

*Галина
Гончарова*

5

ГРАФ И ЕГО ГРАФИНЯ

Средневековая история

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Галина Дмитриевна Гончарова

Средневековая история.

Граф и его графиня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67196265

SelfPub; 2022

Аннотация

Это версия истории, в которой граф Иртон остается жив и здоров. Переписано по просьбе издательства.

Интриги, расследования и счастливый финал сохраняются в полном объеме.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	8
Глава 2.	110
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Галина Гончарова

Средневековая история.

Граф и его графиня

*От сладостей земных – Мечта еще жесточе!
Мечта, извечный дуб, питаемый землей!
Чем выше ты растешь, тем ты страстнее хочешь
Достигнуть до небес с их солнцем и луной.
Чудесные пловцы! Что за повествованья
Встают из ваших глаз – бездоннее морей!
Явите нам, раскрыв ларцы воспоминаний,
Сокровища, каких не видывал Нерей...
Ш. Бодлер. Плавание*

Пролог.

Женщина склонилась над пергаментным свитком. Задумалась на миг, откинула с лица золотистую прядь. А потом, словно решившись, застрочила быстро и уверенно.

Это письмо принадлежит тем, кто его найдет.

Я долго думала, прежде чем решиться на это, но все-таки... тут никто не знает моего родного языка. Алфавит я напишу когда-нибудь потом. Если же нет – пусть оно останется Розеттским камнем этого мира. Мира Ативерны.

А я пишу, потому что не могу иначе.

Я никому не могу открыться, пусть мое письмо следует это за меня. Надеюсь, я уже мертва к этому времени, а мир Ативерны стал чище и лучше моего родного мира.

Да-да, мой друг и читатель, кто бы ты ни был. Меня зовут Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон. Сейчас – графиня Иртон. В девичестве я была Брокленд, а в действительности – я Алевтина Владимировна Скороленок.

Я медик. Здесь это то же, что и докторус.

В своем мире я лечила людей и мечтала заниматься этим до конца жизни. Подозреваю, что там я погибла, потому что здесь я живу. И видела своих родителей. Они точно погибли, я знаю...

Больно это, понимать, что даже никогда не придешь на

родные могилы. Не увидишь друзей, любимого человека, родной земли, которую я любила, несмотря ни на что.

Сейчас я пишу, чтобы предупредить тех, кто придет после меня.

Попав сюда, я поняла, что этот мир пока еще чище моего. Да, он жестокий, да, здесь льется кровь, но все же – я принесу сюда только то, что не повредит людям.

Я искренне надеюсь, что после меня останется что-то хорошее. Описывать свою жизнь там?

Нет, не стоит. Достаточно того, что я жила, любила и училась. Остальное же... в моем мире много того, что я никому не посоветую. Не дай Альдонай, вот, я уже даже говорю, как местная, кто-то почерпнет из моего письма вредные идеи.

Нет, этого не надо.

Сначала, когда я попала сюда, я была в прострации. Мне было страшно и больно.

Потом я поняла, что должна приотвешивать меня в своем теле женщине. Она ушла, чтобы жила я. Это немало.

Я не знаю, какой вы меня видите. Какой меня сделала история. Я ужже давно знаю, что ее пишут политики и красят персонажей в нужные цвета. Пусть так. И какова же я?

Стерва?

Гадина?

Властолюбница, ломающая старые законы ради чего-то

непонятного?

Не знаю.

Я просто хотела выжить. Лилиан-первую никто не любил. По сути дела, ее довели до смерти и подослали убийцу. Я защищалась, и если при этом кому-то прилетело рикошетом – такая их судьба. Не стану оправдываться за то, что хотела жить. Самые миролюбивые могут пойти и умереть самостоятельно. А я стала жесткой.

Жесткой.

Я научилась принимать некрасивые решения, не переваливая ответственность за них на чужие плечи. Я оправдываю себя?

Да, немного.

И еще я искренне надеюсь, что все хорошее, что я дам этому миру, все спасенные жизни перевесят мои плохие поступки. Те, которые не одобрила бы мама...

Пойми меня, кто бы ты ни был...

Горит свеча. Скрипит по пергаменту золотое перо мастера Хельке Лейтца. Быстро пишет несвязные слова женщина. Ее сиятельство графиня Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон.

Глава 1.

Первый узел

– Ваше сиятельство?

– Да, лэйр Ганц?

– Мои ребята кое-что мне донесли.

– И что же?

– Готовится покушение на вашего стеклодува.

– Вот как?

– А как Вы хотели, госпожа? С остальными Вы кое-как урегулировали, но стеклодувы сильно обижены, поэтому...

– Пакостить будут. Это ясно. Кто, где, когда?

– Он у нас мальчик молодой, увлекающийся, а у них есть тут одна вдовушка в пригороде Лавери... отсюда минут сорок ходьбы, если быстро.

– Ганц, Вы что-то придумали?

– Да, Лилиан.

Наедине они уже давно решили обращаться друг к другу по именам. Ради экономии времени. Да и... если уважаешь человека – титул не так важен. Это было верно и для Ганца, и для Лилиан.

– Вот смотрите. Вдовушка живет здесь. А по дороге его очень удобно схватить, похитить, в мешок – и на коня.

– Допросить?

– Предполагаю, что да. Разговорить, а потом уничтожить, выведав секреты.

– Сволочи.

– Лилиан?

– Излагайте Ваш план, Ганц.

Мужчина и женщина обменялись кровожадными улыбочками. Церемониться никто из них не собирался. Кто к нам с мечом... классика? Жизнь!

Проводив начальника СБ, Лилиан Иртон посмотрела в окно. В темном стекле отражалось нечто, радующее глаз. Даже весьма радующее. Ну, она и усилий для этого прикладывала более, чем достаточно.

Как пелось в песне: «так уж бывает, так уж выходит...».

Около года назад Алевтина Скороленок и подумать не могла о таком повороте судьбы. Жила, училась, работала, замуж собиралась... все, как у всех. Ан нет. Автокатастрофа и последующее переселение в другое тело учтены не были. Потому и случились.

А дальше – больше.

Тело средневековой графини, со всеми ее обязанностями, средневековый муж, со всеми его правами и окружающие, которые в грош не ставили донора.

Пришлось ставить их на место и довольно жестко, вплоть

до летальных исходов у самых неуважительных. Назначать на их места кого-то еще, искать замену, завоевывать уважение у своих людей – ведь мало назначить, надо еще чтобы тебя слушались...

Одно цеплялось за второе, третье, десятое и двадцать шестое.

Лиля и сама не заметила, как начала работать, работать и еще раз работать. Да, хотелось жить в чистом замке, принимать нормальную ванну, смотреть на мир через чистое стекло окон, а не кусочки пергамента...

Аля и не заметила, как выросла в жизнь Лилиан Иртон, обросла правами и обязанностями, а там ее нововведениями и король заинтересовался.

Вызвал женщину в столицу... и вот тут Аля поняла, что ее представления о средневековье совершенно неправильны. Она-то думала – прекрасные дамы, благородные рыцари, замки и турниры... как же!

Дамы были недомыты, рыцари вообще не знали, что обязаны сражаться на турнирах, замки продувались сквозняками напроць, единственные, кому нужна была графиня Иртон – это наемные убийцы. Вот им – в любое время дня и ночи. Лиля и в столицу-то поехала, чтобы разобраться, кому нужна ее шкурка.

Не разобралась.

Зато его величество, поняв, что с графини можно поиметь свою выгоду, навалил на хрупкие женские плечи куч-

ку дел. Небольшую такую, всего лишь производство наладить... Сопротивляться или протестовать? Королям отказывать не принято. Традиция такая.

Гильдиям это не понравится?

Так это проблемы гильдий, а вы всех посылайте к королю...

Увы...

Гильдиям это не понравилось настолько, что Лиля жила как на вулкане. И вот сейчас ее опасения подтверждались. Ладно еще, когда на нее покушаются. При ней вирмане в качестве охраны. Но к каждому мастеру и подмастерью охрану ведь не приставишь...

Если только отбить первые нападения и жестко установить границы.

Вы не лезете к нам, мы к вам. А если полезете – лучше удавитесь сразу и сами, не так больно будет. Они с Ганцем это уже не раз обсуждали, пришло время претворять планы в жизнь.

Но перемотки нервов это не отменяло... пустырник, что ли, пить начать? Или валерьянку?

Может, и надо. Здоровье, оно как честь, бережется смолоду.

Юный любитель вдовушек по имени Темик Рикерт шел

по улице, насвистывая. Жизнь казалась ему сплошным счастьем. И только подумать, что еще год назад... да, год назад...

Тогда он был никем. Подмастерьем. Подай-принеси, пошел вон, идиот! И никак иначе. А теперь уважаемый мастер Темик. Местная гильдия хоть и кривилась, но мастера он получил.

А все благодаря графине Иртон.

Темик еще раз благословил тот момент, когда решил оставить родной Альтвер и уехать в неизвестность. Да, в Альтвере оставались его родные. Но он передавал им деньги с вирманами. Графиня не скупилась. И работать у нее – одно наслаждение.

А теперь они с Мирко набрали подмастерьев, сами стали мастерами, можно жить и радоваться. Тараль – неплохое местечко, уютное, Темик уже там и комнатку себе присмотрел. А еще поговорил с госпожой графиней, и та сказала, что со временем Темик себе сможет и дом прикупить в столице, и лошадей, да и вообще, то мастерство, которое у него в руках – оно уникально.

Это юноша понимал. И Мирко тоже.

Вот и надо работать. Пока. А лет через пять может, и жениться можно будет. Графиня возражать не станет, это точно, но надо ж денежек поднакопить! Да и погулять пока охота.

Хорошо все-таки жить.

Особенно когда тебя ждет симпатичная двадцатилетняя вдовушка. Не гулящая, нет. Но... тяжело бабе без мужика. А тут Темик. Крыльцо поправил, зеркальце подарил, корзину поднес... Познакомились-то они случайно. Еще в Лавери. Она в город приходила молоком торговать, а он как раз выезжал подмастерьев смотреть. Молочка захотелось... ну и завязалось. Слово за слово, куда прийти, когда прийти... он и пришел. И раз, и другой... да разве б в Альтвере такое было?

Никогда!

Там бы он и по сей день на посылках бегал...

На этот раз Оллия была какой-то расстроенной. Но встретила парня честь честью. Молочка подала, да и потом, после молочка...

Неприятности начались, когда Темик отправился поутру домой. Ну, не совсем поутру, еще до рассвета. Шел себе. Посвистывал...

Небо обрушилось ему на голову совершенно внезапно. Хотя чего еще ждать от неба? Оно ведь разговаривать не умеет и предупредить о своих намерениях не может...

Очнулся Темик в каком-то доме. Лежал на полу, связанный по рукам и ногам, а в комнате сидели еще трое человек самого бандитского вида. Один ковырял ножом в зубах,

второй с третьим играли в кости...но пробуждение пленника заметили сразу.

– Свистни хозяину, что он пришел в себя, – скомандовал один из игроков.

Человек с ножом, ни говоря ни слова, поднялся и вышел. Игрок медленно поднялся, подошел к Темику и приподнял его за шиворот. Сверкнуло лезвие ножа.

– А...? – задохнулся Темик, пытаясь отползти от страшного лезвия.

– Ага, подтвердил вошедший в комнату мужчина. – Пони-маешь, сопляк, что мы с тобой можем сделать все, что угодно?

Темик это хорошо понимал. Потому что кивнул. Мужчине это понравилось.

– Вот и отлично. Тогда ты мне сейчас расскажешь, как вам удалось получить такое стекло.

– А п-потом?

Судя по усмешке мужчины, «потом» не предвиделось.

– Не расскажу! – Темик сам поразился своей храбрости.

– А если тебе пару пальцев сломать? Или пару лент из шкуры нарезать? – мужчина явно не шутил. – Расскажешь, куда ты не денешься...

– Это вы куда не денетесь.

Никого и никогда не был так рад видеть Темик, как лэйра Ганца Тримейна.

Ехидная улыбка на тонких губах, темный скромный плащ,

дорогое оружие на перевязи, высокая шляпа с пером...

– Лэйр Ганц!

– Абсолютно точно, – упомянутый лэйр прошел в комнату, огляделся по сторонам с таким выражением, словно досадовал на трату своего бесценного времени.

– Положили все оружие. А то стрелять прикажу.

– Кому? – прошипел мужчина, все еще не теряя самообладания.

– Разумеется, вирманам. Они люди суровые, шуток не понимают...

Мужчина грязно выругался. В комнату влетела короткая стрела, ударила в пол рядом с его ногой.

– Я не шучу. Что, любезнейший, обидно стало? Столько денег мимо вас проходит? Сопляки из глухомани нашли секрет, а вы до сих пор всей гильдией ворон ловите...

Мужчина кривился, но возражать не решался.

– Темик, одевайся. И чтобы все визиты по девкам проходили исключительно с моего согласования. Понял?

Парень отлично понял. Оно как-то хорошо запоминается, когда с ножом у горла.

– Вы тоже собирайтесь. С вами мы будем беседовать в другом месте.

Мужчина то белел, то краснел от злости, но кто б на его окраску внимание обращал...

Стеклодуву Лиля разнос устроила. Не сильный, но вмятый. Парень осознал и проникся.

Ганц Тримейн накрыл всю преступную компанию и сейчас выслушивал похвалы от короля. Его величество был весьма доволен.

Как оказалось, стеклодувы сильно разозлились. Их крупно прокатали со стеклом, у них забрали больше десятка подмастерьев, и более того – гильдии ничего не собирались с этого отдавать. Перебьются.

А нравы в гильдейской среде царили те еще. Паучье-гадючьи. И деньги, проходящие мимо рук, жгли их, не хуже огня.

В результате, стеклодувы решились на рейдерский захват, хотя таких слов и не знали. Подослали Оллию, пару раз дали ей встретиться с нужным человеком, а потом планировали схватить паренька и все выпытать. Ну а самого Темика... сдался он им. Ножом по горлу – и в море. Рыбы – всегда голодные.

Наняли для этого нескольких человек с городского дна, чтобы те сначала напугали парнишку, а потом притащили в специальный подвал...

Просто расспросить и все передать?

Настолько стеклодувы отребью не доверились. Кто сказал, что они все поймут правильно?

Все правильно запомнят?

Что Темик скажет правду?

Не-ет, сначала попробовать рецепт, а потом уже... И держать – у себя, в подвале. Слишком ценный человек, чтобы его кому-то доверить.

Так что накрыли всю компанию. А поскольку среди стеклодувов знатных господ не было – полетели перья и головы.

Его величество негодовал, Лиля злилась, Темик сидел в замке и нос наружу высунуть боялся. Оно и правильно.

У Лили вообще было желание перейти на осадное положение, затворившись в Тарале. Но... ей надо было еще поймать убийцу. Ловушка была настроена. Оставалось ждать.

Первыми она дождалась господина Йерби с супругой и детьми.

Хвала богам, дома оказался Ганц, который кивнул Лиле, чтобы та чуть потянула время – и умчался все организовывать. Амир как раз собирался уезжать с Мирандой на прогулку, и тоже был в гостинной.

Йерби-дедушка оказался бодреньким таким живчиком на вид лет шестидесяти. Значит, полтинник. Больше вряд ли. Невысок, лыс, как коленка, с рожей откровенного плута – появившись он в театре, и роли продувных слуг были бы его.

– Ваше сиятельство! Я так счастлив лицезреть вас!

Барон (Лиля и мяукнуть не успела) сгрел графиню за ручку и припал к кружевной перчатке, обильно покрывая ее поцелуями. Да так, что тонкое кружево вмиг промокло насквозь.

Лиля кое-как отняла руку (очень помог рыкнувший На-

нук) и вскинула брови.

– Если лицезрение меня доставляет вам такую радость – я подарю вам свой портрет. Надеюсь, вы доехали благополучно?

– Да, госпожа графиня. Позвольте представить Вам мою супругу... дорогая... Валианна, баронесса Йерби. Лилиан, графиня Иртон....

– Я рада Вас видеть, госпожа графиня.

Рыжуха с выдающимися достоинствами (Лилин бьют позорно проиграл сравнение, показавшись двумя прыщами) присела в полупоклоне.

– Ваше сиятельство, это большая честь для меня...

Лиля чуть склонила голову.

– Я рада приветствовать вас в моем доме.

– Наши дети. Ренар, Жюли, Алина, Мария и Дениза.

Стая рыжих принялась кланяться и приседать. Лиля невольно вспомнила Гарри Поттера с его рыжими Уизлями. А что? И тут и там – богатая бедная сиротка. И тут и там – паразиты, желающие погреть руки. Осталось подобрать кандидатуру на роль Волана де Морта.

– Приятно познакомиться, – мурлыкнула Лиля.

– Мам, мы поехали?

Мири влетела в гостиную вихрем. Ребенок выглядел очаровательно. Голубой костюмчик для верховой езды оттеняет черные волосы и синие глаза, на щеках румянец, на губах улыбка...

– Разумеется, малышка. Вы с кем?

– Обещаю быть осторожным, – Амир улыбался. В белых одеждах, черноволосый и смуглый, он был воплощением романтической мечты и героем сказок о прекрасном Востоке. Ну да ладно, здесь дети фильмов с Омаром Шарифом¹ не смотрели.

Лиля кивнула. Малышку он точно в обиду не даст. И сам не подставится. Одного раза, с ртутью, было достаточно.

– Миранда! – взвизгнула Валианна Йерби, сгребая малышку в объятия. То есть она попыталась. Но Миранда на тренировках не ворон считала.

Девочка ловким движением ушла за спину Амиру.

– Мам, это кто?

– Это твоя бабушка, – громко ответила Лиля, отметив, как перекосило баронессу. – А еще дедушка, дяди и тети. Не желаешь пообщаться?

Миранда замотала головой.

– Мы с Амиром лучше на прогулку.

– Ах да! – Лиля словно бы спохватилась. – Позвольте представить. Амир Гулим, наследный принц Ханганата.

Йерби оторопели. Этого времени Амиру хватило, чтобы ухватить Миранду за руку и направиться к выходу. Но юноша таки не удержался.

¹ **Омар аш-Шариф** (10 апреля 1932), Александрия, Египет) – египетский актёр. Известен, главным образом, по работам в американском и европейском кино. Двукратный обладатель премии «Золотой глобус» (1963 и 1966 годы) и номинант на премию «Оскар» (1963 год).

– Был счастлив познакомиться.

Дверь закрылась. И тут же открылась заново.

Ганц был мил и очарователен, как недоенная гюрза. И улыбался так же.

– Ах, Йерби! Рад вас видеть... со всем семейством.

Барон явно занервничал. А может быть, это из-за Эрика, который также вошел вслед за Ганцем – и встал, наглухо загородив немаленькую дверь.

– А еще рад видеть в Вас такую заботу о внучке. Нанять специально для нее учителя... да какого! Очаровательного юношу – и столь разговорчивого!

– Да, – подтвердил Эрик, ухмыляясь, как голодный крокодил.

Лиля тоже оскалилась.

– И мне хотелось бы получить разъяснения. Ваш протеже доставил мне несколько неприятных минут.

Йерби удар держать умел, в отличие от жены. Та аж в лице переменялась.

– Н-наш протеже?

– Дамис Рейс, – улыбнулась Лиля.

– Который полностью во всем признался, раскаялся и ждет отправки на каторгу, – ухмыльнулся Ганц.

– Да, – увесисто подтвердил Эрик, поигрывая невесть откуда взявшимся кинжалом.

– По какому праву Вы...

– По праву королевского представителя. Вам предъявить

мой знак – или на слово поверите, Йерби?

Ганц выглядел так, что Лиля точно поверила бы. И барон оказался не крепче. Он как-то сдулся...

– Я никого не нанимал. Меня оболгали.

– А это Вы расскажете не мне, а королю. На допросе.

– Вы собираетесь допрашивать моего супруга на основании показаний какого-то смазливового проходимца? – Валианна выступила вперед всем бюстом.

Лилия ухмыльнулась.

– А откуда Вы знаете о внешности данного проходимца? Я ничего о ней не говорила.

– В-вы сказали, что он очаровательный...

Ганц усмехнулся.

– Барон, баронесса, полагаю, вы проследуете за мной добровольно? Не хотелось бы просить моего друга Эрика помочь вам...

Вирманин оскалился вовсе уж людоедски и шагнул вперед.

Йерби приобрел цвет молока, с которого сняли все сливки – этакий белый с синеватым оттенком – и послушно последовал по жесту Ганца.

Валианна набрала было в грудь воздуха, но Эрик сделал еще один шаг и потянул из-за спины топор. Этого хватило. Женщина сразу сдулась – и последовала за мужем.

Что будет дальше, Лилия знала. Их отвезут в местную Бастилию – здесь она носит название Стоунбаг. Там допросят,

а уже по результатам...

Дети же...

Лиля поглядела на молодого барона.

– Достопочтенный Ренар, полагаю, ваш визит слегка задержался? Не пора ли вам проследовать в свой дом?

Кажется, Ренар хотел сказать что-то нелицеприятное, но Эрик еще никуда не ушел из комнаты и запала у юноши не хватило. Ренар сверкнул глазами (взгляды к делу не пришьешь) – и гордо удалился, сопровождаемый рыжими сестрами.

Лиля перевела дух.

Одной проблемой меньше?

Надеюсь.

О признаниях Йерби ей рассказал лэйр Ганц спустя три дня.

Как оказалось, всему виной деньги.

Ну и Джерисон Иртон. Почему-то во всех своих бедах подобные мерзавцы винят других. Не я это! Черт попутал, хоть он в этом мире и не водится!

Бедный черт...

В данном случае...

Первая жена Йерби, Миресса, была богата. Но – увы. Мадалену папаша выдал замуж, а сына – выгнал. По официаль-

ной версии – за святотатство и непослушание. Поклонялся Мальдонае, пытался известить отца...

По неофициальной, которая прорезалась, когда палач достал щипцы для расшатывания зубов – за то, что Валианна вечно жаловалась на непочтительность отпрыска. И они ссорились чуть не каждый день.

Да здравствует ночная кукушка – первый программист человеческого мозга.

Когда взялись за Валианну, оказалось, что сын совершил отвратительный поступок.

Мачехе, видите ли, он очень понравился. А мачеха ему – нет, ни как женщина, ни как все остальное... Вот не хотелось парню наставлять рога отцу с перезрелой матроной, он и не стал. Тогда Валианна принялась его изводить, добила своего, выжила пасынка из дома – и взвыла.

У Йерби-то денег не было, только у родителей Мирессы. Как отец, Йерби мог распоряжаться имуществом своих детей до совершеннолетия или замужества. А вот когда выгнал сына и выдал замуж дочь – тут и пришел крупный облом.

Денежная доля сына вернулась к родителям Мирессы. Кстати, они почему-то очень не одобряли второй брак бывшего зятя, и общение с Йерби прекратили. Что же до Мадалены...

В очередном приступе безденежья, Йерби вдруг вспомнил, что у него есть внучка! Да не простая, а богатая! Если бы ему доверили опеку над ребенком... при живом отце?

Наличие живого Дж. Иртона ничего в планах не поменяло. Йерби навел справки и понял, что надо сначала избавиться от Лилиан Иртон, а потом и от Джерисона. Почему так?

Ну официально-то Лиля считается матерью Мири сразу же после брака с Джерисоном. Случись что с супругом – и опекунов отойдет к ней. Это если еще не учитывать сестру. Но...

Оказывается, о нелюбви Миранды к родственникам только ленивый не знал. Откуда?

Да от Кальмы, которая, как токарь-многостаночник, собирала себе приданое, продавая информацию... с-стерва. Лиля порадовалась, что няньку прибили, и продолжила слушать. Короче, у Йерби были определенные шансы. Небольшие, но утопающий хватается и за гадюку.

Алисия?

Та не занималась бы Мирандой, определенно. А на возмущение Лили только плечами пожала.

– Увольте меня. Я слишком стара, чтобы возиться с детьми...

Лиля удержала активно просящееся на язык «А с моим отцом?» и кивнула.

– Понятно. Вы бы отказались...

– Если бы его величество не попросил – отказалась бы. Но вряд ли...

Лиля кивнула. Вообще-то шансы у Йерби были.

С одной стороны – сестра мужа, которую малявка ненавидит всеми силами души. С другой – дедушка и бабушка, которые (не сейчас, конечно) могли произвести приятное впечатление. Броситься в ноги королю, закормить сладостями малышку... Могло срастись.

Ганц многозначительно хмыкнул, намекая, что при дворе у Йерби был кто-то высокопоставленный, которому пообещали процент от наследства Миранды – ежели что.

Но это еще копать и копать.

Итак, первой уничтожается Лилиан Иртон. А можно и не уничтожать. Это дорого... да и страшно, для начала-то. Значит, делаем проще. Находим первого попавшегося жиголо – и подсовываем графине.

Скучающая барышня, в глуши, обходительный красавчик с манерами... на таком сочетании и покрепче ломались. А Йерби получают кучу плюсов.

Компромат на Лилиан Иртон – раз.

С помощью этого компромата можно даже не убивать – толстуха все сама бы отдала. Любое опекуновство. Да и потом... Вот представьте себе, муж умер, жена на что-то претендует, а ей «Да ты, милая, прелюбодейка?» В монастырь! Однозначно.

А там ищите ветра в поле.

Лилию спас созданный Джесом образ тупой коровы. Если бы считали ее умной и хваткой – по-другому бы готовились.

А так... корову – совратить. Миранду – приручить. Джеса

– убрать.

Миранду намеревались приручать еще с осени. Но девушку отправили в Иртон. Йерби едва успели навязать с ней своего протеже. И поставили ему, кстати, задачу: заодно настроить Мири в пользу бабушки-дедушки. Лиля же обломала все планы.

Сначала по настройке.

Ребенок получал кучу разной информации, графиня присутствовала на уроках – ну и где тут кого пиарить? Дела у Дамиса шли плохо. И даже отчитываться он не мог. А как?

Сотовых нет, простых телефонов тоже нет, азбуку Морзе – и ту еще не изобрели. О, кстати!

Лиля тут же черкнула себе в блокноте про азбуку Морзе и флажки – кто в детстве не играл в пиратов и разбойников? А вирмане заценят. Определенно.

Пришлось бедолаге действовать на свой страх и риск. Ну и прокололся, понятное дело.

Как собирались убить Джерисона?

Да примитивно. Он ведь по бабам ходит... вот и пожертвовать какой-нибудь девочкой. Дать ей «возбуждающее» средство. Пусть выпьют на двоих. Шлюх найти легко, берут они недорого. Чаще всего (простите, госпожа графиня) Джерисон заглядывал в бордель на углу Королевской улицы, а Йерби... он тоже заглядывал.

Договориться с девицей – и вперед.

Извернулись бы. Это вылечить человека сложно, а убить

– ума не надо, было бы желание.

Лиля покусала кончик золотого пера. М-да.

Супруг определенно должен быть ей признателен. Шкурку она ему спасла уже один раз. А то и не один. Оценит?

Что-то подсказывало Лиле, что нет.

Она поблагодарила Ганца за информацию – и вернулась к расчетам. В теории-то все хорошо. Магазин, кофейня, кухня... а ты попробуй – в территории? Эх, тяжело жить на белом свете.

Если бы Лиля видела своего супруга в этот момент – она бы порадовалась, что не ей одной плохо.

У Джерисона нагло пропала бывшая любовница и «Вяленая Щука» склонял его по всем направлениям, подозревая, что граф сохранил к бывшей пассии нежные чувства. Ну и, пылая оными, помог ей скрыться.

Джерисон отбивался, как мог. На кой орган ему сдалась та шлюха? Мало их по Ативерне бегают?

Ах, таких немало, но не каждая пыталась избавить графа от надоевшей супруги? И с чьей же подачи?

Герцог, да Вы...

Да я. Но Вы ответьте.

Одним словом, Джерисон таки отболтался. Но подозрительный взгляд Фалиона говорил, что ой, не до конца.

Рик – и тот не мог ничем помочь, Джес сам подставился. И теперь граф метался по покоям принца, мешая слугам укладывать вещи и сверкая глазами.

– Можно подумать, чтобы я сам стал травить эту корову!

– Можно и подумать, – Рик явно развлекался представлением.

– Ты вообще ополоумел? – окрысился Джес на друга.

Рик ностальгически подумал, что для Джеса он не наследный принц, а тот же мальчишка, с которым они подстраивали пакости Эдмону. И вздохнул.

– Джес, думай. Ты жаловался всем и каждому на жену. Было?

Было. Джес невольно кивнул.

– Ты всем расхваливал Аделаиду Вельс. Было?

Кивок повторился.

– Я же не знал...

– Ну, так ты ее по сиськам оценивал... – Рик проигнорировал гневный взгляд и продолжил. – Идем дальше. В сухом остатке: она покушалась на твою супругу, разругалась с тобой после неудачи – и исчезла.

– И что?

– И можно предположить, что это ты ее – того...

– Того – чего?

– Да чего угодно! Убил. Помог удрать. Спрятал до лучших времен в деревенском домике, чтобы навещать два раза в месяц. Знаешь, ты молись, чтобы на твою супругу больше ни-

кто не покушался. А то ты так с этой шлюхой подставился...

Джес рухнул в кресло.

– Знаешь... тут еще вопрос: подставился – или помогли подставиться. По большому счету, если бы мою супругу не понесло в столицу, никто и не узнал бы.

– А если бы она не родилась – то и за тебя бы не вышла? – рыкнул Рик.

Нет, доставал его иногда Джес... и ведь не дурак. Но кому понравится, когда он кругом виноват?

– Да понимаю я все, – отмахнулся оный Джес. – И «корову» сложно обвинять за то, что она себя спасала. Заметь – и Миранду. Так что я ей даже где-то благодарен.

– А где-то и нет...

– А ты бы – да?

– Я бы тоже злился, – честно признал Рик. – Но ты подумай еще вот на какую тему. Ты сейчас едешь домой... с порога скандал устроишь?

– Не знаю...

– Вот. Чего от тебя хочет отец? В смысле король?

– Чтобы мы помирились. Определенно. Иначе не строил бы, как провинившегося мальчишку.

– А ты приедешь весь в раздрае, увидишь супругу – и тебя ка-ак понесет...

– И что ты предлагаешь?

– Воспитывай себя уже сейчас. Ты не виноват в том, что получилось. Но и она ведь не виновата, что ты такую любов-

ницу нашел.

– Тьфу.

– И что самое печальное, побег Аделаиды тебя же ставит под удар.

– То есть?

– Если твоя супруга захочет получить развод – тут и думать не придется. Доказательства неверности у нее есть, покушения – тоже... следующий ход? Догадаешься?

– Обвинить меня в покушениях. Чего тут гадать. И под это дело развестись. Тут даже альдон не рыкнет.

– Как ты думаешь, почему она до сих пор – не...?

– Не знаю. Вариантов – прорва.

– Даже после ее писем?

Джес закатил глаза.

– Рик, ну не верю я, что это – она писала! Это письма человека с опытом, умного и циничного! Жестокого, если хочешь. Но никак не этой соплюшки! Она же меня... а насколько она меня младше?

– Джес, друг мой, а когда у твоей жены вообще день рождения?

Ответом ему стали грустные глаза.

– Не помню....

Тьфу!

Рик подумал еще пару минут. Друга надо было куда-то вытащить. Они здесь последние дни проводят, а значит, вытащить с пользой для дела.

– Пойдем, еще погуляем по городу. Прикупишь что-нибудь для дочери?

– Да я...

– Мало! Джес, мне ли тебя учить? Женская любовь пропорциональна полученным подаркам.

– Не всегда...

– Но часто?

Джес вздохнул и поднялся из кресла. Все лучше, чем сидеть, наливаясь тупой злобой. Прогуляться, подумать о хорошем, может, и правда что-то прикупить...

– Ладно. Пойдем, погуляем. Мало ли что интересное найдется?

Рик довольно кивнул. Так-то лучше будет!

Аделаида Вельс была не то чтобы спокойна, но довольна. И собой, и окружающим миром.

Мир сейчас состоял из удобной кареты, в которой она направлялась к границе Ивернеи и Уэльстера. Точнее – к Лимайере. Там она и ее сопровождающие сядут на корабль и спустятся вниз по течению. Ее, правда, предупредили, что придется замаскироваться, но куда денешься....

Да и временно это.

В Уэльстере ее приведут в порядок – и выдадут замуж. Присланный к ней человек (Лидия узнала бы его сразу) объ-

яснил все честно.

Так и так, Аделаида прославилась не лучшим образом. Поэтому покамест ей лучше не светиться при дворе. Есть один милый дворянин, барон, правда, ненаследный и небогатый, лет ему немало, детей пока нет... так что все от нее зависит. Будет дружить с графом Лортом (да не в том смысле, дура, а работать!) – и все у нее будет. И денежка, и при дворе она рано или поздно окажется.

Пока же – благодарность ей за Лидию.

Новые документы на имя Лидии Ренар, лэйры из небогатых, тоже вдовы... И – жених. Пусть очарует, обаяет – а работа найдется.

Аделаида не возражала.

Замуж за старика?

Так было уже. И деньги найти можно, и молодых мужиков... только на этот раз она не станет связываться ни с кузенами, ни с племянниками мужа. К Мальдонае!

А граф Лорт... да, он пугает. Ну и что?

Зато платить будет. Это – главное!

Леди Вельс не собиралась складывать руки на пути устройства своего будущего. Попробовала устроиться с графом Иртон. Не получилось.

Впредь умнее буду.

А что будет впереди?

А посмотрим!

Граф Лорт готовился к отъезду своего брата и короля. Так что приказ о леди Вельс он отдал мимоходом.

Нет, добродушием его сиятельство не заболел. И благодати не преисполнился.

Просто...

Есть у вас одна семейка на примете. Человек неплохой, служил верно, баронство выслужил... почему бы и не порадовать ему мимоходом? А то женщины как-то негативно относятся к шрамам через все лицо, к ожогу, полученному в стычке с пиратами... леди Вельс все сожрет. И благодарить будет. Альтернатива-то...

Альтрес подумал, что лично он бы за такое упрятал в монастырь. Или вообще повесил. В зависимости от выгоды ее сиятельства графини Иртон для короны.

А еще...

Аделаида Вельс – отличный рычаг давления. За лишнюю побрякушку она все подтвердит и напишет. И что Джес ей предлагал оплатить убийство жены, и что...

Одним слово – все, на что у Альтреса хватит фантазии. А граф очень надеялся вбить клин между супругами Иртон, чтобы точно не помирились.

Тогда графиня начнет искать себе новый дом – и почему бы не в Уэльстере? Если она поможет Гардвейгу?

Да Альтрес ее на руках носить будет! Ради брата он что

угодно сделает. А уж приютить такую полезную женщину или чуть-чуть ее подтолкнуть к разводу с помощью дешевой шлюхи... почему – нет? Потом леди Вельс можно будет и списать. Но пока она еще свое не отработала. Пусть полежит в запасниках.

Не ради себя, но для Уэльстера стараюсь...

– Амир, а ты когда домой собираешься?

Его высочество посмотрел на Миранду.

– Ну, через год поеду.

– Год? Так быстро?

Девочка была искренне огорчена. Амир стал для нее старшим братом. И хорошим другом.

– А ты не хочешь к нам в гости? – прищурился его высочество. – Я буду рад. Познакомлю тебя с отцом, покатаю на своем коне...

Миранда задумалась. В Ханганат хотелось. Интересно же... посмотреть, откуда родом Лидарх и Шаллах. Покататься на аварцах, поглядеть на пустыню, проверить, водится ли там саксаул, про который рассказывала Лиля, как выглядит рассвет среди бескрайних песков, есть ли там кактусы...

– А Лиля меня отпустит?

– А мы и ее пригласим.

– Думаешь, она согласится?

– Не знаю. Но мы очень попросим.

Миранда довольно кивнула.

– Договорились. А если что – я могу и одна приехать. Когда чуть подрасту...

– Договорились.

Амир с улыбкой смотрел на девочку.

Миранда ему искренне нравилась. Пока – как младшая сестренка. О чем-то другом говорить было рано. Но принцу не хотелось, чтобы эта девочка ушла из его жизни. И если для этого надо поговорить с Лилиан Иртон... Поговорим.

И договоримся.

Все будет хорошо...

За какое время можно построить помещение, если над тобой нет никаких проектных институтов и комиссий, власти настроены более чем благосклонно, а деньги и рабочая сила есть в неограниченном количестве?

Лиля поняла так, что очень быстро.

Так и получилось. Почва возле Лавери была каменистая, да и каменоломни были не слишком далеко. Поэтому все дома тут строились из камня. Часть старых строительных материалов можно было использовать при постройке новых домов.

А рабочие... когда до них дошло, что хозяйка, хоть и бла-

городная, но платит каждый день – сдельно, словно вперед рванулись. Стройка развернулась с такой скоростью, что Лиля даже страшно становилось.

Не рухнуло бы...

Не рухнет. Здесь пока еще плохо не строят – а то ведь можно и шкурой поплатиться.

Сложнее всего было сделать стекла. И витражи. Вот тут – да. Проблема. С другой стороны, стекло с пузырьками много, кривоватых тоже, а они есть и цветные – сложить в витраж и не мучиться?

Сама Лилия такие стекла считала браком. Но здесь... когда и того раньше не видели...

Вопрос был, как оградить все это дело от мальчишек, которые могут бросить камнем? Единственное, что могла придумать Лилия – это проволоку на некотором расстоянии от стекла. Кузнецу было дано задание, объяснена идея проволочной сетки – и Лилия выкинула это из головы. Их дело, их заботы. Ее проблемы – где что устроить.

Здесь – кухню.

Тут – туалеты. Да-да, те самые домики.

Тут – один демонстрационный зал. Тут – другой...

И – работа.

Сильно Лилия обиделась на Корону. Так получилось...

Они с Ганцем разговорились за ужином.

– И что теперь с Йерби будет?

– Ничего, Ваше сиятельство. Король своей волей прика-

жет ему сидеть дома, носа не показывая в столицу, официально назначит наследником его старшего сына – ну и все тут. Разве что земли его еще взять в опеку.

– Как?!

Лиля была искренне возмущена. Эта скотина... да если бы ему все удалось, а ведь могло и выгореть! И что бы тогда? Полагаете, Миранда зажила бы на свете? Ага, как же, бедные сиротки нужны кому-то, только пока они богатые. А как станут финансово бедными – тут и упс...

– Ваше сиятельство, понимаете, ему ведь ничего не удалось...

– И что?

– У нас на него ничего нет. Только показания простолюдина...

– Ага. А если бы Рейс был дворянином?

– Тогда было бы проще. Но и так... что можно ему предъявить? Злоумышлял?

– Пытался и попался, – огрызнулась Лиля. – А его признание?

– Под пыткой.

– Так ведь было?

– Дворяне уже подняли визг и вой. Как же! Схватили! Заточили! На основании показаний какого-то там... учителяшки!

– И король вынужден прислушаться.

– Увы...

Лиля положила вилку. Аппетит пропал к чертям.

– И он сможет мне пакостить...

– Уже нет. Выгода же пропала...

Ганц понимал, что это звучит неубедительно. Лилия тоже.

– Я буду просить короля взять земли Йерби в опеку и послать туда представителя. Это будет лучше, Ваше сиятельство?

Лиля кивнула.

Но настроение было испорчено.

– Ганц...

– Да?

– А кто поддерживал Йерби?

– Они клянутся, что это – герцог Фалион.

– ЧТО?!

– Герцог, Ваше сиятельство. Не маркиз.

– А есть разница? Что отец, что сын...

– Так поговорите с сыном.

Лиля задумалась. Поговорите... а стоит ли?

Это раньше она бы помчалась с выяснениями отношений.

А сейчас... а где гарантия, что ей не соврут?

И где гарантия, что ей не соврали сейчас? Йерби, простите, не на детекторе лжи проверяли. Да, им показывали пыточную. И даже угрожали. Но!

Она бы смогла солгать в такой ситуации?

Смотря что стоит на кону. Иногда солгать – единственный способ остаться в живых. А что, если...

– Ганц, Вы в курсе, что любое преступление оставляет финансовый след?

– Госпожа?

– Вот смотрите. Чтобы оплатить моего наемного убийцу, нужны деньги. Их передали через Кариста Трелони. Но, опять-таки, из воздуха они не возникли. Они либо изъяты из какого-либо дела, либо это налог с поместья, либо...

Ганц кивнул.

– Вы хотите посмотреть, есть ли связь между Йерби – и Фалионами?

– Абсолютно точно. По финансовым отчетам можно сказать многое... если уметь их читать.

– Если я этим займусь – спать мне будет некогда.

– Найдем, кому этим заняться. Кому-нибудь из эввиров – они тут, как рыба в воде. А чтобы у нас оставались хорошие отношения...

– Согласен. Они пойдут на многое. Но разумно ли...

– А есть альтернатива?

– Оставить все как есть. Просто не доверять Фалиону...

Лиля прикусила губу. Обидно почему-то было даже подумать, что ее разыгрывали втемную. И ей ввали.

Обидно...

Она ведь ему поверила. И говорил он такие слова...

– Герцог пытался помирить меня с мужем.

– Так и говорил – создайте с ним семью?

– Н-нет... не совсем.

– Тогда не стоит обольщаться, Лилиан. Я вас очень люблю и уважаю, и потому услышьте мои слова. Я говорю вам, как старший брат – не верьте никому из нашего высшего света. Никому. Никогда. В мед их слов давно уже налили яд.

– Не знаю. Я не хочу его обидеть недоверием. Но и попасть сама не хочу. Оптимальный вариант – доверяй, но проверяй.

Ганц покачал головой.

– Ваше сиятельство, Вы не имеете права сейчас даже на малейшую тень на репутации...

– А у меня она есть?

– Пока – нет.

– Обещаю быть осторожной. Во всех смыслах. Но, Ганц... я хочу знать! Имею я на это право?

– Как Вы говорите, Ваше сиятельство, уж что-что, а право-то Вы имеете...²

– Тогда я очень прошу Вас.

– Я все сделаю. А Вы поговорите с Хельке. Авось, кого посоветует.

– Поговорю. Обязательно. А того, кто придет следующим, надо ловить на месте преступления.

– Мы все сделаем, чтобы они не отвернулись.

Лиля довольно кивнула, и продолжила справляться с ужином.

Вареная брокколи – невкусно? Зато полезно! Хочешь вы-

² «Золотой мой, что-что, а право-то вы имеете». «Гараж» – советский комедийный фильм Эльдара Рязанова 1979 года.

глядеть хорошо – используй ужин для деловых переговоров, и съешь поменьше, и аппетит от них пропасть может...

Ганц ткнул вилкой в кусок мяса, прожевал и решился заговорить на неприятную тему, которую раньше игнорировал, чтобы не портить отношения с графиней.

– Лилиан, вы знаете, что скоро возвращается посольство?

– Знаю, – вздохнула графиня. – Знаю, лэйр...

– И что приезжает ваш супруг – тоже.

Брокколи показалась на вкус, словно вареная тряпка. Аппетит пропал окончательно, Лиля отодвинула от себя тарелку, и вздохнула.

– Знаю.

– Я...

И так в эту минуту лэйр Ганц напоминал майора Скороленка, которому начальство что-то приказало, а как выполнить – неясно, что Лиля сжалилась и махнула рукой.

– Говорите уж, лэйр. Начальство приказало – верно?

Лэйр посмотрел с самой искренней признательностью.

– Да, Лилиан. Приказало.

– И чего же хочет его величество?

– Чтобы вы помирились с мужем.

Лиля вздохнула, отодвинула окончательно опротивевший ужин, и поглядела на Ганца.

– Как вы себе это представляете? Дорогая, вопреки всем моим усилиям ты выжила, и я счастлив. Будем счастливы вместе?

Лэйр только развел руками.

– Я так понимаю, что с графом проведут разъяснительную работу. Лилиан?

Лилиан вспомнила ту самую «разъяснительную работу», и от души фыркнула. Потом махнула рукой.

– Не обращайтесь внимания, Ганц. Просто у меня один знакомый так называл порку. Розгами по голому заду.

Лэйр представил себе этот процесс в исполнении его величества и графа – и тоже отодвинул бокал. Хохотать, рискуя заляпать собеседницу – некрасиво. Глядя на него, рассмеялась и Лиля. А отсмеявшись, собеседники взглянули друг на друга уже иначе.

– Его величество и правда поручил мне провести этот разговор. Но... Лиля, можно я буду говорить откровенно?

– Да.

– У вас просто нет другого выхода.

– Разве?

– Ваши проекты приносят слишком большой доход казне. Его величество скорее убьет вас, чем отпустит из Ативерны.

В этом Лиля и не сомневалась, история с венецианскими мастерами была ей памятна.

– Я могу не уезжать.

– Тогда что? Развод? Поверьте, после такого вы станете отверженной в высшем свете. От вас просто будут шарахаться, как от прокаженной, это скандал...

Лиля вздохнула.

– Надеяться на то, что граф умрет, я тоже не могу?

– Вдовой вы надолго не останетесь. Его величество позаботится выдать вас за человека, верного короне...

– И вряд ли учтет мои интересы...

– Разве что чуть-чуть... сами понимаете.

Лиля понимала.

Чертов средневековый менталитет, чтоб их тут всех Мальдоная залюбила...

– Надо мириться с мужем и жить долго и счастливо?

Лэйр Ганц развел руками.

– Лилиан, вы уже сделали первый шаг. Разве нет?

– Для спасения своей жизни и жизни Мири.

– А теперь сделайте то же самое для улучшения качества жизни. Вашей и Миранды?

Лиля выразительно скривилась.

– Продайся за деньги?

– Нет. Просто устрой свою жизнь поудобнее. Неужели это так страшно?

– Жить с кем-то по принуждению? Да.

– А вы попробуйте жить с мужем по любви? Вдруг он вам понравится?

– Не сомневаюсь, им много кто доволен, – прошипела Лиля.

– И что? Если он будет вашим?

Лиля зашипела рассерженной кошкой.

Если бы, да кабы... Лэйру она этого, конечно, не скажет,

человек ведь по приказу старается... а что ей делать с мужем?

Встретить на пороге и заявить: «Ромео, я вся ваша!»?

Встретить сковородкой, и внятно объяснить, кто в доме хозяин?

Встретить крысиным ядом... нет, это – точно нет, Миранду жалко.

Воспоминания о синих глазах дочки пригасили ярость. Лиля вздохнула...

Нелюбимый муж? Переживем! Договоримся как-нибудь... людям и хуже приходило.

Или...

Женщина я – или уже где?

Женщина! И к моим услугам опыт тысячелетий! Кто нам мешает – тот нас полюбит! И никак иначе!

Ганц наблюдал за сменой выражений на лице женщины.

От откровенно бунтарского: «провались к Мальдонае этот граф», до задумчивого: «А вдруг пристроить удастся?» и неожиданно весело-победного: «Разберемся!» с которым графиня бралась за любые дела.

– Лилиан?

Женщина посмотрела на друга.

– Ганц, доложите начальству, что графиня согласна?

– А она согласна?

– Сопротивляться она точно не будет.

И сказано это было таким тоном... ох, как же Ганцу стало

жаль графа. Но ведь сам попросился?

Все началось с доклада Ганца.

– Ваше сиятельство, Дуг Феймо и Анвар Рокрест встречались.

– И? Они же тесть и зять...

– Это верно. Только почему-то встречались они не дома, а в конторе.

– Удалось подслушать?

– Нет. Но ребята клянутся, что в контору Дуг пришел с деньгами, а ушел без. И сумма была крупная.

– И что? Может, он деньги в дело вложить решил? Копил, мучился...

– Какое ж это дело, госпожа? – Ганц ухмыльнулся. – Если тем же вечером Анвар в портовом кабаке нанял десяток мерзавцев?

– Зачем нанял?

– А вот тут самое интересное. Они собираются устроить засаду на дороге к Таралю.

– Самоубийцы?

– О, нет. Помните те милые игрушки с жидким огнем? Которыми успешно пользуются вирмане?

Лилию передернуло.

– У них есть такие?

– И в большом количестве.

– Тогда шансы есть. Огонь, стрелы...

– Брать будем на месте преступления.

– Когда?

– Мальчики следят за ними. Полагаю, что завтра-послезавтра.

– Вы меня предупредите, чтобы я ехала не на Лидархе?

– Ваше сиятельство, вы куда рветесь? – Ганц выглядел разозленным. – Вы лично никуда не едете.

– Неужели?

– Предоставьте воевать мужчинам. Подберём кого-нибудь из мужчин, парик нацепим, платье...

– А если разбегутся...

– А если вы пострадаете? С меня король шкуру спустит.

Лиля кивнула. Спустит. Однозначно.

– Ладно, посижу дома. Но при одном условии.

– Каком?

– Все снаряды с жидким огнем – мне. На опыты.

Ганц согласился без размышлений. Лишь бы под руку не лезла.

Спору нет, графиню он ценил и уважал. И даже любил – не в смысле руки, сердца и возвышенных страданий, нет. А просто – как любят друзей. Она, в сущности, неплохая женщина. Хоть и с чужинкой. Но кто без этого?

Но вот когда Лиля таки лезла в его дела – тут Ганцу иногда хотелось зашипеть. Нет, идеи-то у нее бывали хорошие.

Умные, интересные... но иногда – увы. Чего-то ее сиятельство в окружающей действительности просто не видела. И это – навсегда.

Все случилось так, как и предполагал Ганц.

Засада.

Волк охотился на зайца, охотник – на волка. Удобных мест для засады было не так уж и много. И Ганц устроил там свои секреты. В итоге наемники оказались под прицелом двух десятков луков – и сдались, не играя в героев. Особенно, когда им объяснили, что графиню они будут ждать долго и безуспешно.

И Ганц докладывал графине.

Так и так, были, взяли... только толку – ноль. Почему ноль?

Так возьмут они Рокреста. Может, даже и Феймо.

Промолчать оба способны. Хотя бы какое-то время. А потом примчится Лоран Ивельен, начнет вонять, что оклеветали, оболгали, деньги подбросили, приплели... короче – не виноваты они. Кто-то сомневается в слове герцога?

Лиля задумалась.

– Герцог от всего отопрется. А нам надо сделать так, чтобы его поймали с поличным.

– Вопрос: как это возможно?

– Да есть у меня одна идея. – Лиля не была профессионалом сыска. Но, простите, даже просто глядя новости в двадцать первом веке, невольно нахватаешься. Это уже не говоря о детективах и триллерах. Профессионалом она не была и даже на любителя не тянула, но ее обогащал опыт столетий, которого не было у Ганца. Не доросли тут пока до мемуаров знаменитых сыщиков. – Официально брать их нельзя.

– Да, госпожа.

– А неофициально?

Ганц вскинул брови. Но потом до него дошло.

Вы полагаете, если Ивельены все время действуют через Феймо...

– То своих выходов на эту шваль у них нету.

– Ой ли?

– Но если убрать Феймо и Рокреста – им придется уже договариваться самостоятельно. Разве нет? Или вообще действовать самим. Кинжал там, яд...

Ганц пожал плечами.

– Попробовать можно. Убить?

– Кровожадный вы, Ганц, – Лиля даже чуть улыбнулась. – А свидетельствовать кто будет? Нет уж. Что у нас – ни единого укромного местечка, где их можно подержать?

Ганц усмехнулся.

– Есть такое. И не одно.

– Вот и ладненько. Изъять их после очередной встречи. Им ведь будет известно, что засада провалилась...

– Откуда?

– Алисия сообщит.

– Тогда я пойду готовиться.

Лиля напутствовала Ганца дружеским кивком и попросила Лонса, как явится Алисия, сразу сообщить ей. Старая гадюка явилась только к вечеру следующего дня, и Лиля практически сразу атаковала ее за ужином...

– Алисия, дорогая, мне бы хотелось попросить Вас об огромной милости...

– Какой же? – гадюка так виртуозно действовала столовыми приборами, словно ее лет пять учили.

– Ивельены... мне бы хотелось помириться с ними.

– Да уж, неловко получилось.

– Надеюсь, Амалия уже меня простила...

– Даже не надейся. Над своим дитятком Амалия трясется, как над бриллиантом того же размера.

– Но попытаться-то надо... я вообще заметила, что дети у нее жутко избалованы.

Алисия тут же подхватила благодатную тему.

– Ты даже не представляешь – насколько. Что Сэсси, что Джесу-младшему только что луну не доставали с неба, а все остальное – пожалуйста. Они бы и Алине...

– Алине?

Лиля наострила ушки, и оказалось, что детей у Ивельенов – трое. Только младшая родилась (тсссс!) с явными отклонениями. Не разговаривает, ничего не умеет, только ест,

мычит и гадит.

Лиля пожала плечами. Лечить отклонения – не ее работа, ее работа – резать.

– Может быть, показать девочку Тахиру?

Тахир, также присутствовавший за столом, чуть склонил голову.

– Я могу ей это предложить, – кивнула Алисия. – Возможно...

– И конечно, мои самые глубокие извинения... но носто мы ребенку вылечили... как он, такой избалованный, в гвардию пойдет?

– Амалия мечтает для него о карьере при дворе.

– Но защищать себя все равно надо уметь! Вот у нас опять тут случай!

И Лиля, делая кошмарные глаза, поведала, как на нее опять устроили засаду. И могло бы все получиться, да разъезд, из организованных Лейсом, наткнулся на тех раньше. Завязалась схватка, подали сигнал – и всех «засадников» перебили к лешьей матери, чем Лиля была весьма недовольна. Нет бы сначала выяснить, кто послал, а потом уже перебить!

Негодяи какие!

Алисия тоже поохала и поахала. И пообещала завтра же съездить к Ивельенам.

Кстати, дорогая Лили, не могла бы ты... Анжелина и Джолиэтт приглашали в гости Миранду. И если можно – его высочество принца Амира... может быть... потихоньку, без

лишней помпезности...

Лиля великодушно дала согласие.

Ивельены встретили Алисию неласково. Поначалу.

Но «гадюка» умела манипулировать людьми. Рассыпалась в извинениях, разохалась, разохалась, закатила глаза... одним словом, после часа стонов и страданий, Амалия таки приняла извинения от Лилиан. И, подумав, согласилась показать ей свою дочь. То есть, разумеется, Тахиру дин Дашшару.

А визит... да хоть и завтра.

Алисия вздохнула и сообщила, что да, приедем. Только – простите – с большим отрядом сопровождения.

– Почему? – удивился Лоран Ивельен.

И услышал в ответ душераздирающую историю о засаде на пути в Тараль. Бедная Лилиан, она так переживала, так страдала,... что никого допросить не удалось. И кто это организовал – совершенно неизвестно! Ужас!

Ивельены вежливо согласились, что да, конечно, ужас! И как только таких негодяев земля носит? Покушаться на милейшую графиню, которая столько всего делает для короны и вообще воплощение всех достоинств на земле...

Алисия договорилась о визите – и уехала.

А в поместье Ивельенов состоялся такой разговор.

– Где ты нашел этих недоумков?

– Го... господин...

Человек, стоящий навытяжку и боящийся моргнуть, несомненно, мог выглядеть представительно. Но не сейчас. Полное тело словно бы оплыло, пот катился ручьями... собеседник не испытывал к нему никакой жалости.

– Завтра графиня Иртон собирается к нам. Я хочу, чтобы на обратной дороге... ты понял?

– Д-да, господ-дин...

– Если и в этот раз получится промах – пеняй на себя. Свободен!

Отпустив слугу, мужчина налил себе вина и задумался, глядя на луг за окном.

М-да. Чем дальше, тем больше. Но выбора нет и развязаться со всем этим он не может. Пути назад нет. Его и десять лет назад не было, но тогда был хотя бы крохотный шанс. И даже потом он еще был. Хотя немедленная попытка переворота была обречена на неудачу. А сейчас?

Что в активе сейчас?

Король стар и устал.

Ричард – мальчишка, по уши в своих книжках.

Армия более-менее надежна, но именно, что более-менее. Всегда можно найти своих людей. И не обязательно маршала. Хватит и толкового полковника. Особенно в нужное время и в нужном месте. Такие на многое готовы, чтобы стать генералами.

И такие уже есть.

Всего – человек десять. Но этого достаточно. Не нужно перекупать всех.

Переворот должен быть молниеносным. Если лишить свободы Эдоарда и Рика, остаются принцессы. Их можно выгодно выдать замуж за нужных людей. А можно и не выдавать. Но один-то кандидат есть, даже и больше есть... альдон пошипит – и разрешит. Куда он денется, и на него кое-что есть...

А вот Эдоард и Рик... увы. Они должны умереть. И Джерисон – тоже.

Просто сейчас нет смысла подсылать убийц. Умирать принц должен здесь, при всем народе, иначе плюнуть не успеешь – окажешься по уши в самозванцах. И лучше все это повернуть до женитьбы.

Удачно получилось, что он так долго ходил в холостяках, сама судьба помогает.

А что до графини... он колебался. И довольно долго, после того, как лично познакомился с ней.

Яркая женщина. Умная.

Непредсказуемая и опасная.

Именно поэтому она должна умереть еще до встречи с супругом. Кстати, Миранда тоже неплохой козырь. Сиротка с большим приданым... кое с кем еще предстоит расплываться, почему бы и не брачным договором?

А Лилиан...

Жалко. Но иного выхода нет. Слишком легко она уходит из-под удара, словно ей Мальдоная ворожит... может, обвинить ее в этом?

Хотя – нет.

Шильдой она быть не может.

Слишком добродетельна. Полное поместье людей – кто-то что-то да углядел бы, а глядеть некуда – она со всеми одинаково ровна и добра. Прямо как верность хранит мужу... может, действительно в него влюблена?

Иртон – гуляка известный.

Но тогда ее обязательно надо убрать. На что способна женщина, которую лишили любимого человека?

О, очень на многое... ему это известно, как никому другому.

Убрать. Обязательно. У Иртона тоже не должно остаться наследников.

Ничего, справимся. Просто потрудиться придется.

Крысюк, прозванный так за пронырливость и незаметность, дежурил на воротах Лавери. Другие ворота также оккупировали мальчишки из Тримейн-отряда.

Да, вот так вот. Больше никому из них не приходилось просить милостыню, копаться в мусорных кучах, побираться, думать, что принести в дом, или прятаться от старших.

Теперь они были вполне довольны и счастливы. У них было... многое.

Работа, за которую по медяку в день-то перепадало. И можно было принести его домой, а не бояться, что кто-то отнимет. А все, что найдешь сверху – тоже твое. Главное, чтобы дело не страдало.

А еще...

Еще его сестренку, Марту, пристроили ученицей к кружевницам. Ходил слух, что скоро король учредит гильдию кружевниц – и Марта там тоже будет. Видел ее Крысюк. Довольная, вся чистенькая, аж дотронуться страшно, платье чистенькое... говорит, ценят ее. Пальчики ловкие и девочка сметливая. Да он и сам проверил. Живут они пока в старом замке, который Тер... Тараль.

И у малявки там своя комната, которую она делит еще с тремя ученицами. Своя кровать, шкаф и даже обувь есть. Две пары. На каждый день – и парадная. С ума сойти...

А от него требуется другое. Пока он маленький и ловкий – побегать по улицам и последить за теми, на кого лэйр укажет.

Ну так это ему не в тягость. Тем более что уже обещано: станет постарше – его к другому делу приставят. Или подмастерьем, или к воинам... пропасть не дадут. А чтобы и этот заработок не терять, Крысюк уже начал своего младшего братишку натаскивать. Тот пока еще поглупее, да и не такой проворный, ну да дело поправимое...

Мать теперь довольна и счастлива, как же... с тех пор, как

батяня утонул, она на стирке надрывалась... сейчас может поменьше брать. И берет у... графини Иртон! Во! И всем отвечает, что графиня щедро платит. И никто ни о чем не знает.

Посплетничать и похвастаться?

Знал бы кто, как могут молчать голодные и нищие люди, если им дать надежду и протянуть руку помощи.

Да Крысюк скорее дал бы себя на части порезать, чем хоть слово сказал бы о графине или лэйре Ганце.

Мальчишка прищурился.

К воротам подъезжал всадник. И это был явно тот...

Мальчишка звонко свистнул в два пальца, вызывая подкрепление.

Один побежит к лэйру Ганцу. Второй будет следить вместе с Крысюком, чтобы потом донести, куда отправится толстяк на каурой лошади.

Начиналась работа.

Дуг Феймо чувствовал себя омерзительно.

Колотилось сердце, тек ручьями пот, подкатывала к горлу тошнота...

У него есть последний шанс. Иначе... никто с ним церемониться не будет. И с дочкой. И с зятем тоже.

Сейчас они довольны и счастливы, дело зятя процвета-

ет... как ему в этот момент хотелось развернуть лошадь в сторону дома – и уехать. И забыть навсегда об этом деле...

Когда все только начиналось – поручения были мелкие.

Отвезти, привезти, переговорить, найти людей, а вот потом...

Дуг ужасно испугался, когда понял, к чему идет все дело. Но хозяин не дал ему выбора.

– Или ты служишь мне, или ты вообще не существуешь, – просто сказал он. И Дуг поверил.

Он знал, на что способен этот страшный человек, поэтому сейчас ехал к зятю.

По счастью, Анвар оказался у себя в конторе. Там Дуг и решил поговорить, даже не подозревая, что на крыше, как раз над открытым окном, удобно устроился мальчишка.

– Твои наемники захвачены.

– И?

– Их перебили. Где ты нашел таких идиотов?

– Знал бы ты, сколько они с меня содрали! – огрызнулся

Анвар.

На самом деле – не так уж и много, но часть денег Анвар утаивал. Еще с тех пор, как он понял, куда его втянул дурак-тесть, он принялся откладывать себе на побег: если так случится, что все провалится, он спокойно начнет новую жизнь где-нибудь в Эльване. Или Авестере...

Неважно где, важно, что далеко отсюда. Можно даже без жены – новую найдет, с деньгами это несложно.

Тихий стук в дверь заставил мужчин насторожиться.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет. Всех отпустил. А ты?

Дверь открылась, чуть слышно скрипнув.

– Доброго вечера, господа.

Ганц Тримейн улыбался.

– Вы будете сопротивляться – или изволите пройти со мной?

– Вы кто? – Анвар схватился за кинжал.

Ганц погрозил ему пальцем.

– Не надо. Как королевский представитель...

Анвар мертвенно побледнел. Дуг вообще стек по креслу, оказавшись менее крепким.

– Я вижу, вы все поняли? Орать и возмущаться не собираетесь, оно и к лучшему. Я и так все знаю. Эрик!

Вирманин полностью загородил дверной проем.

– Друг мой, вам не составит труда проводить эту парочку в наш скромный домик?

Вирманин ухмыльнулся так, что Анвар тоже оставил всякую мысль о сопротивлении. Куда уж там...

Спустя два часа, помещенные в уютные подвалы, Анвар и Дуг каялись так, что только перья трещали. Успевай записывать!

Они почти ничего не знали. И были на правах исполнителей. Но хватило уже и того, что они проплачивали убийство графини Иртон. Сначала ее травили по приказу Анвара, по-

том – просто пытались убить. А зачем?

Неизвестно.

Достаточно было другого.

Приказ отдавал герцог Ивельен. Не маркиз. Именно герцог.

Когда Ганц доложил это, Лилиан не проявила никакого интереса.

Герцог – и черт с ним, это и так известно. Интереснее было бы знать о мотивах. А вот этого...

– Ваше сиятельство, – Ганц колебался. – Пару раз Дуг подслушал что-то странное.

– И?

– Точно фразу он не привел. Примерно так, что *«все равно королевская кровь»* и *«по праву первородства Ричард младше...»*.

– И с кем так беседовал наш герцог?

– С сыном.

Лиля вздохнула.

– Ганц, поправьте меня, если я ошибаюсь. У Эдоарда было двое сыновей. Эдмон и Ричард. От Имоджин Авестерской. И две дочери от Джессимин.

– Абсолютно точно.

– Старший сын умер.

– Если быть точным, там очень темная история. Ваш свекор, кстати...

– И что же Джайс Иртон?

– Примерно четыре года назад, незадолго до вашей свадьбы, Джайса Иртона и принца Эдмона нашли мертвыми.

– Они убили друг друга?

Ганц замялся.

– Следствие не проводилось.

– Ганц?

Судя по тону – женщина отступить не собиралась. И Три-мейн тяжело вздохнул.

– Лилиан, если позволите...

– Что?

– Это должно остаться между нами.

– Обещаю.

– Я был там.

– Ганц?! Расскажите! Прошу! Это очень важно...

Лиля смотрела так, что Ганц понял – не проболтается. И принялся рассказывать.

– Я к тому времени уже лет десять как состоял на королевской службе, даже больше....

Ганц говорил, а перед глазами стояло прошлое.

Тогда он приехал во дворец, чтобы отдать королю ценные бумаги. И как раз выходил из кабинета, когда примчался встрепанный лакей.

– Ваше величество! Они умерли!!!

Это было настолько неслыханно, что Ганц невольно скользнул за штору, секретарь шарахнулся, а король соизволил выглянуть.

– Кто?

– Принц Эдмон! И... граф Иртон!

Эдоард побелел, как полотно, изменился в лице – и вылетел из кабинета. И Ганц последовал за ним. Не из пустого любопытства. А хотя...

Да, и из любопытства – тоже! Интересно же! Иртона Ганц знал. Знал и старшего принца. И готовился прятаться куда подальше, как только тот станет королем. Жить хотелось...

В красной гостиной горел камин. Было тепло и уютно. Эта комната вообще была одной из самых спокойных и уединенных во дворце. В башне, на третьем этаже... поставь у лестницы стражника – и не побеспокоят.

Как там оказался лакей?

Да элементарно. Принц приказал принести туда хороший ужин на двоих. То есть, что бы ни случилось – умирать он не собирался. А сейчас...

Горел огонь. На столе стояла бутылка с вином и два бокала. И в них еще оставалось немного вина. Кстати, когда его влили собаке – та сдохла.

– Яд был в обоих бокалах?

– Да.

– Одинаковый?

Ганц посмотрел на Лилию с удивлением. Как-то этот во-

прос никому в голову не пришел. Яд – и яд.

– Мне интересно: они отравили друг друга, один отравил обоих, или был кто-то еще?

– Кто-то третий? Это вряд ли.

– Почему?

– Потому что в таком случае король не замял бы расследование. Это первое. И второе. Вино принц приказал принести заранее. И отослал слугу. Тот клялся, что бутылка была запечатана. Да и... яд был в бокалах. Это точно.

– Эдмон готовился. Мог он спрятать убийцу?

– Нет. Башня устроена так, что там нет потайных ниш и ходов.

– Точно?

– Сам обследовал потом. Из любопытства.

Лиля кивнула. Ганцу она доверяла. Сказал – нету, значит, точно нету.

– Спрятать там никого нельзя. Пройти мимо стражи?

– Там стояли двое охранников. Никто из них не отлучались. И никто мимо них не проходил.

– Они не покрывали....

– Нет. Там был допрос... одним словом – нет.

Лиля кивнула еще раз. Под пытками все признаешь. Но видимо...

– Только слуга.

– Зашел – и сразу вылетел, как увидел.

– Значит, третьего исключаем.

– Тогда это кто-то из них.

Лиля пожала плечами.

– Такое тоже возможно. Но людям не слишком свойственно убивать себя. Хотя... смотря что и как.

– Выглядели они примерно одинаково. Оба сидели в креслах, оба были спокойны, значит, яд был безболезненный. Их не рвало, даже пены на губах почти не было.

– Если почти – значит, все-таки была? И была у обоих?

– Да. – Ганцу нравилось слушать, как графиня рассуждает. Было в этом что-то уютное, домашнее...

– Одинакового цвета?

– Вроде бы...

– Ничем не пахло?

– Было приоткрыто окно. Ветер... запахи почти не чувствовались.

– Ясненько.

– Король тогда едва не упал...

Эдоард надолго застыл на пороге, не в силах поверить, но потом-таки решился войти. Подошел к другу, затем к сыну, закрыл обоим глаза... Ганц видел слезы на его щеках.

– Припомни. Сначала – к другу?

– Да. Оно и неудивительно.

– Почему?

Как оказалось, весь двор знал, что Эдмон конфликтовал с отцом уже лет десять подряд. А то и больше. Вот так получилось. Мальчишка помнил родную мать и совершенно не

радовался ее замене на какую-то королевскую шлюху. А мог Джессимин и похлеще назвать.

Не помогали ни пощечины, ни розги, ни воспитание – ничего.

Джессимин плакала, Эдоард злился... счастливой семьи не получалось. Ричард – тот был спокойнее и принял мачеху пусть не как мать, но как старшую сестру. По принципу *«Отец, ты ее любишь? Вот и чудесно. Я приму ее, если ты будешь счастлив...»*

Принцип Лиля одобрила. А вот потом...

Одним словом – Эдоард был счастлив. Но сын его счастья не разделял. И боролся с ним всеми силами. А еще настраивал Ричарда, обижал мачеху и кстати – конфликтовал с детьми Иртона.

– Джес и Амалия воспитывались при дворе?

– Сначала их воспитывал отец, ну и его сестра немного. А потом, когда она вышла замуж за короля, видимо, настояла, чтобы Джайс приводил с собой племянников.

Ганц сдвинул брови.

Ему вовсе не нравилось, как Лиля кусала ноготь. Она явно о чем-то думала. И вряд ли результаты размышлений его обрадуют.

– Ладно. Его величество закрыл глаза другу, потом сыну, далее?

– Обернулся. Увидел меня и приказал оставить его одного. Ненадолго. Вскоре меня позвали обратно.

– Если там и был яд...

– То теперь не установить, у кого он был. Это так.

Лиля стукнула кулачком по столу.

– Расследование не проводилось?

– Нет, Лилиан. Король приказал все замять.

Женщина кивнула.

– Дело дрянь.

– Это и так понятно.

– Нет, Ганц. Я не о том. Вот давайте мыслить логически.

Мы берем обычного... дворянина. Приходит он домой, а там его сын и друг – мертвые. Разве он не начнет расследование?

– Еще как начнет. Но... шум, скандал...

– Неужели вы бы не справились без скандала?

– Я бы справился.

– А я бы сделала все, чтобы отомстить за моих близких.

Черт с ним, со скандалом. Можно и просто падение с лошади устроить. Никто, кстати, из высокопоставленных после этого случая скоропостижно не умер?

На этот раз Ганц задумался надолго. Потом потрянул головой.

– Одного герцога удар хватил, так ему уже и за семьдесят было.

– Угу. Возраст.

– Да и графа одного жена прирезала во сне. Но он ее смертным боем бил...

– Баронов и лэйров не считаем. Не те фигуры. Нужно ис-

кать кого-то покрупнее. Убыли в послах не было?

– Да нет. Если бы не это... на редкость спокойный год.

– Значит – либо Джайс, либо Эдмон.

– То есть?

– Если исключить посторонних, а мы вынуждены это сделать – остаются эти двое. И я бы поставила на Джайса, – просто заметила Лиля.

– Почему? – Ганц и сам думал примерно так же. Но послушать мысли графини ему было попросту интересно.

– Потому что граф знал, что принц его терпеть не может. Вот представьте. Человек, который вас ненавидит, приглашает вас... поговорить. Ваши действия?

– Кольчугу надену.

– А яд возьмете?

– Не знаю. Только если он у меня всегда будет с собой.

– Вместо соли?

– Кинжал бы взял.

– А я бы взяла яд. И возможно, Джайс тоже. Эдмон мо-
ложе и сильнее, справиться с ним честным путем – шансов
нет. Остается отравление...

– Это мерзко и недостойно дворянина.

Лиля сморщила нос.

– Торговля тоже. Иртон ей занимался.

– Тоже верно. И все же... одно дело – торговать редкостя-
ми, а другое – травить принца.

– Редкостями?

– Думаете, – поймал Ганц мысль. – Какой-нибудь экзотический яд, оставленный себе... поиграть?

– Если бы мне в руки попало, например, кольцо с ядом – я знаю, такие есть, я бы сразу с ним не рассталась. Ганц, Вы помните этот вечер, тут нам невероятно повезло. Словно Альдонай ворожит. Скажите, когда Вы вернулись второй раз – позы мертвецов не изменились?

Ганц задумался. Потом пожал плечами.

– Кажется, да. Хотя и не могу сказать, что точно изменилось.

– Они оставались так же, в креслах...

– Да.

Лиля кивнула.

– Скорее всего, а их одежда была в порядке?

– Вроде бы да. Я не обратил внимания. Или заметного беспорядка в ней не было, потому и в глаза не бросилось.

– Король их обыскивал. Полагаю, что-то подозревал, или думал...

– Что именно?

– Вот тут мы подходим к самому интересному. Если допустить, что Джайс Иртон отравил принца – а следом и себя. Такое может быть?

– С чего бы вдруг? То есть может, конечно. Но ведь у каждого действия есть обоснование, разве нет?

– Разве да. Абсолютно точное замечание. Итак, почему такое могло случиться?

– Почему граф травил себя – понятно. Слишком многие знали об их встрече.

– Чтобы уйти от процесса, казни и прочего...

– Это возможно. Но почему он отравил Эдмона?

Лиля прикусила ноготь. Тот наконец сдался и сломался.

Но женщине было не до мелочей.

– Есть у меня одна идея, Ганц. Но лучше вы мне скажите, насколько я дура. А для начала...

Женщина встала и достала небольшую шкатулку. В ней были сложены все письма Джессимин Иртон к матери.

– Читайте.

Ганц пробежал их глазами. Откладывал в сторону, брал следующее... и когда он отложил последнее и поднял голову – Лиля увидела в его глазах тот же вопрос, что задавала и себе.

– Это – возможно?

– Вполне. Эдмон мог шантажировать графа – и тот...

– Насколько я поняла, Джайс готов был на все ради сестры и... детей. Чему тут удивляться. Мог ли у Эдмона быть компромат?

– Признания повитухи? Что-то такое... если и было – этого все равно не нашли. Ваше сиятельство...

– Ганц, это все должно остаться между нами. Сами понимаете – с таким знанием не живут.

Ганц отлично это понимал. И то, что Лиля – тоже понимает и будет молчать, заставило его чуть спокойнее вздохнуть.

Не самоубийца же.

Он задумался. Нахмурился.

– Нет, что-то тут тогда с Ивельенами не складывается...

– Но Амалия...

– И что? У нас незаконные ничего не наследуют. Наоборот, никогда бы...

– А если Эдоард женился на Джессимин раньше, чем на Имоджин?

– Нет. Это уж вовсе невероятно. Но даже и тогда – Джес имеет право наследования, а Амалия нет. и бунт бы вспыхнул... нет.

– Ну так Джеса и пытались оставить без наследника. А меня – убить. И его бы – того, да вот в стране нету...

Ганц покачал головой.

– Нет, госпожа. Тут что-то не так...

Лиля вздохнула.

– Что!? Знать бы!

– Боюсь, единственный, кто знает – это король.

– Ну и Алисия, надо полагать...

– Вряд ли они нам что-то расскажут. И если что...

– Скорее нас закопают. Я понимаю. И буду молчать.

– Я тоже.

Ганц встретился взглядом с Лилиан. Они отлично поняли друг друга. Доказательств нет. А лезть в такие секреты короны... простите – уничтожат. Быстро и наповал, чтобы уж точно не выбрались. А этого никому из них не хотелось.

– И все равно, что-то не вяжется.

– Подумайте, Ганц. А я завтра съезжу к Ивельенам. Посмотрю на их ребенка...

Ганц усмехнулся.

Графиня и правда доверяла ему. Иначе бы...

Он-то давно понял, кто из двоих в паре Лилиан – Тахирдин Дашшар является чудо-лекарем. Но молчал. Незачем о таком говорить. Он на эту женщину работает и это выгодно, и хорошо... одним словом – незачем. Когда речь идет о личной выгоде, люди и не на такие чудеса способны.

Визит к Ивельенам Лиле радости не доставил.

Все были любезны, улыбались, раскланивались – и думали о своем. О чем думали оные Ивельены, Лиля не знала. А сама редкостно злилась. Твари неблагодарные. Уроды.

Спасай тут некоторых... принимай роды, вспоминай акушерство, которое она сто лет назад терпеть не могла! Пусть бы тебя, козу, та повитуха кинжалом прокесарила, посмотрела б я, как ты выживешь. И клизма в качестве лечения...

Питер вызвал не больше добрых эмоций. Жену-то он любит. Только вот... слизняк! И растекался там... ей-ей, на фоне Питера Лиле даже Джерисон Иртон заочно понравился. Подкаблучников она не любила и не уважала. Увы...

Лоран Ивельен мысленно был обозван скользким гадом.

И Лиле казалось, что под его дружелюбной улыбочкой прячутся клыки.

Поразительно, как меняется отношение к людям, когда ты подозреваешь, что они проплатили твое убийство!

Тахира тоже приняли вполне радушно и предложили сразу провести к больной. Но мужчина отказался и потребовал, чтобы Лилиан Иртон шла с ним.

Ученица. И точка.

А не хотите – я удалюсь!

Вел Тахир себя настолько высокомерно, что Ивельены прониклись и таки пригласили обоих пройти в башню. Лиля фыркнула, подумав, что это обычай такой. Держать тех, кого не хочешь видеть, в башне.

Смешно.

Смеяться она перестала, когда перед ней открылась небольшая комнатка.

Девочка, сидящая на кровати, была мила и очаровательна. Этакая пышечка. Светловолосая, сероглазая, неуловимо кого-то напоминающая, а еще – с абсолютно отсутствующим выражением лица. Красивого, тонкого... приоткрытый рот, стекающая слюна...

– Она ходит? – просто спросила Лиля.

Амалия покачала головой.

– Едва ходит, плохо говорит....

Лиля долго расспрашивала о ребенке. И подумала, что скорее всего – девочка просто умственно неполноценна.

Олигофрения... в какой степени? Да уж не в легкой. Скорее или тяжелая, или глубокая. Ближе всего это к идиотии.

Ребенок хуже развивается, почти не ест сам, только жидкую пищу, не говорит, ничему не учится...

И это – ее не залечили. Это от рождения... что ж, и такое бывает. Просто обычно такие дети здесь не выживают. Но тут... все-таки дочка маркиза, вот и выхаживают.

– Девочка умственно неполноценна, – многозначительно произнес Тахир. – Графиня?

Амалия не знала, что Лиля уже подала Тахиру условный знак «неизлечимо». Лилия кивнула и с видом примерной ученицы затараторила:

– Данное заболевание неизлечимо. Девочка всегда будет такой, как сейчас. При затраченных громадных усилиях, вы можете ее научить хотя бы на горшок ходить куда надо. Но не более того.

Строго говоря, Лилия ничего не имела против детей-олигофренов. И преклонялась перед людьми, которые их воспитывали. Но... средние века!

Кому нужно умственно неполноценное дитя?

Здесь критерии отбора, как в волчьей стае. Жестокие и рациональные. Девочка может стать матерью здоровых детей – а может и не стать.

И выбор, простите, сделают в пользу Сэсси и Джеса. Но кого же ей напоминает эта малышка?

Лилия посмотрела на Амалию. На Питера.

И едва не чертыхнулась.

Синие глаза и черные волосы Амалии.

Карие глаза и темные волосы Питера.

И по какому рецессивному гену у них родилась сероглазая блондинка? Да еще с отклонением?

Лиля, в отличие от многих, была уверена, что некоторые болезни в генах и заложены. Кто-то считал, что олигофрения – это из-за возраста матери, а она – что это из-за каких-то генов. Может, она и неправа, она не Грегор Мендель. Но...

Подумаю об этом дома!

Лиля внимательно осмотрела девочку. Нет, тут ничего не сделаешь. Малышка добрая, ласковая, контактная, но... это навсегда ребенок. Хотя герцогу с этим вопросом легче, чем инженеру. Что Лиля и высказала.

Можно содержать ребенка, растить, кормить, пытаться учить – может, что-нибудь и получится. А может, и не получится. Так тоже бывает.

Амалия слушала так, словно с нее шкуру сдирали.

Питер явно переживал за жену, а Лоран даже и не пошел сюда.

За жену. Не за дочь. И деду нет дела до внучки?

Лиля мысленно положила еще один кусочек в мозаику. Но пока сложить ее не получалось. Чего-то не хватало. Что-то выпадало из общей картины.

Амалия раз двадцать переспросила Тахира – правда ли, что все бесполезно. Мужчина подтвердил – и лицо у женщи-

ны стало вообще уж убитым.

Кажется, она считала себя виноватой в чем-то... Тахир считал нужным ее утешить.

– Ваше сиятельство, вы в этом не виноваты. Звездная Кобылица сама прокладывает дороги...

Амалия внезапно разрыдалась в голос.

– Нет! Если кто и виноват – это я! Я!!!

И вылетела из комнаты, сильно напугав девочку.

Лиля принялась успокаивать малышку и попутно инструктировать служанку, которая за той ухаживала.

Питер извинился – и вышел вслед за женой. А Лиля напряженно перебирала варианты.

Светлые волосы, серые глаза... на кого похожа малышка? Фалион?

Возможно. Но это не пример. Простите, сероглазых блондинов – пруд пруди. Вон, и его величество... Лиля прикусила палец.

Его величество?

Бред! Невозможно!

Но что еще остается думать?

Что-то она еще не учла. Надо бы поговорить с Ганцем. И срочно вспомнить генетику.

Или не генетику? Было, было у женщины полное ощущение, что где-то она видела это лицо, эти глаза... только там оно было с совсем другим выражением. Не бессмысленным, нет. Но капризным, надменным...

Где?

Иртон?

Нет, нет... хотя это определенно была галерея портретов. Капризная, надменная... не Иртон. Там все черноволосы и синеглазы.

Фалион?

Александр не показывал ей портреты предков.

Может быть – здесь?

Лиля твердо знала, что не успокоится, пока не вспомнит. Что, где, когда... нет, не успокоится. Значит – надо вспоминать решительнее. Задержаться здесь и опять посмотреть на портреты. Иначе...

Это как камешек в туфле, как кусок песни, застрявшей в голове, как иголка в шве... спокойно жить с этим – не получится!

Надо вспомнить, и как можно скорее...

Ивельены пришли обратно минут через пять. Амалия была заплакана, но держалась уверено.

Питер гладил ее по голове.

Тахир раскланивался, говорил, что обязательно подумает, что надо просто воспитывать девочку – и готовиться, что всю жизнь это будет вот такое бессмысленное существо, которое даже мать родную узнавать не будет.

Ребенок – на всю жизнь пустой чистый лист...

Слава богам, Лиля успела дать понять Тахиру, что им надо заночевать.

Тахир, готовый на все ради своей обожаемой ученицы-учительницы, тут же придумал, что осматривать таких больных нужно еще раз на рассвете, чтобы ее коснулась благодать Звездной Кобылицы...

Ивельены сомнений не выразили. Так вот... когда твой ребенок болеет – ты в кого угодно поверишь. Хоть в Звездную Кобылицу, хоть в лунную крокодилицу. Лишь бы помогли...

А за ужином Лиля навела разговор на древность рода Ивельенов. Мол, Иртоны тоже древние, но Ивельены, наверное, еще древнее...

Лоран Ивельен тему охотно подхватил и развил, добавив, что с Ивельенами часто роднились короли...

Лиля разахалась – и разговор постепенно дошел до фамильных портретов. После чего Лиле и было предложено еще раз прогуляться по галерее. Вместо сказочки на ночь.

Лиля тут же согласилась и провела в обществе старшего герцога весьма увлекательные три часа.

Общаться с ним было откровенно неприятно, ну да ладно. Главное она получила.

Средневековые портреты, при всей их своеобразности, обладали одним достоинством.

Они были реалистичны на сто процентов. Это вам не кубизм и не импрессионизм, до которых в этом мире еще долго не дорастут.

Если на портрете нарисованы голубые глаза – они и в ре-

альности будут голубые. А не красные или зеленые.

До дома доехали без происшествий. Ганца Тримейна в поместье не оказалось, и Лиля попросила проводить его в кабинет, как только придет. А сама засела с десятком листов бумаги за стол и попросила ее не беспокоить.

Ганц постучался в дверь пару часов спустя – и тут же был атакован Лилей.

– Проходите, садитесь...

Ганц прошел, снял со стула листок со странными формулами типа $AaBb \times CcDd$ и надписями «доминантный», «рецессивный», 75% и 25% и осторожно уселся.³

– Лилиан?

– Ганц, я ничего не могу понять...

– На тему?

– Я видела третью дочь Ивельенов.

– С ней что-то не так, Ваше сиятельство? – Лилия сдвинула брови, давая понять, что без титулов.

– Она умственно неполноценна.

– Такое бывает, госпожа. И...

³ **Законы Менделя** – это принципы передачи наследственных признаков от родительских организмов к их потомкам, вытекающие из экспериментов Грегора Менделя. Эти принципы послужили основой для классической генетики и впоследствии были объяснены как следствие молекулярных механизмов наследственности

– Не проходит. Но она – сероглазая блондинка.

– И что?

– Ганц, Вы не понимаете? Хотя откуда бы... Значит, так. Ребенок наследует цвет глаз одного из родителей. Так – ясно?

– А если...

– Нет, если у одного из родителей голубые глаза – у ребенка могут быть серые, возможны частные случаи. Но Питер и Амалия не могли произвести на свет – такое чудо.⁴

– Почему нет?

– Чтобы получилась сероглазая блондинка... короче: светловолосых людей меньше, чем темноволосых.

– Допустим. И?

– Если вкратце, ребенок наследует цвет глаз и волос от кого-то из родителей. Максимум – от бабушек-дедушек. Но даже тогда будет выбрано то, что встречается чаще.

– То есть темные волосы...

– Ну да. А тут такое красивое сочетание: светлые волосы, светлые глаза, белая кожа. Это своеобразный признак... я тут посмотрела... Иртоны – все темноволосы и синеглазы. И в замке я видела фамильные портреты. Там они – все такие. Очень ярко выраженный признак. Близняшки у Амалии тоже синеглазые. Насчет волос – не знаю.

⁴ Вообще-то могли, но генетику в мединститутах изучают не слишком углубленно, поэтому простим Лиле небольшой ляп, на уровне задачек ее логика вполне удовлетворительна, прим. авт.

– И старшие.

– Очень сильная генетика. То есть, перебить ее можно только при наличии... даже не знаю чего!

– Вы намекаете, что Амалия Ивельен родила не от мужа?

– Один раз – точно. Я специально осталась там на ночь.

– Рисковали...

– Не будут же они меня травить в своем доме?

– Как знать.

– Для этого именно что надо знать. А я молчала. Ганц, среди Ивельенов пару раз встречались блондины. Лет этак... сто-сто пятьдесят назад. Этот ген столько не сохранится. Раньше размешается. Кроме того – они все темноволосы и кожа смуглая...

– Ивельены – южане. В их роду пару раз...

– Встречались ханганы. Это я слышала. Короче – блондинов от них ждать не приходится. Все пришлые, а те, кто рождались Ивельенами – как один и темноволосы, и темноглазы.

– А от кого тогда могла родиться девочка?

– Если не допросить герцогиню – шиш мы узнаем.

– И если допросить – тоже.

– Что вы предлагаете сделать?

– Идти к королю, госпожа.

– ЧТО?!

– А что нам еще остается? Только это...

– Но Ганц!

– Ваше сиятельство, вы хоть понимаете, что речь идет о

заговоре против короны?

Лиля кивнула.

– Что если мы не доложим – мы станем соучастниками?
И Феймо и Рокрест, кстати говоря, знают достаточно...

– Для чего?

– А вот так вот. Дело в том, Лилиан, что дворецкий – фигура сложная. Что-то он слышит, что-то додумывает... а наши друзья вирмане отлично умеют таких колоть...

– И?

– Это серьезный заговор. Все подробности он не знает, что у Ивельенов есть кто-то, имеющий права на престол. Есть документы, есть люди... и они готовы.

– Почему не начали?

– Рик уехал. А если свергать династию...

– То здесь. Это даже я понимаю. Какими силами они обладают?

– Человек двадцать. Но на ключевых постах. Есть пара отрядов наемников. Хороших отрядов...

– А почему я до сих пор не...

– Потому что эти отряды не у Ивельена. У его сообщников. Ваше сиятельство, давайте я расскажу...

Лиля кивнула.

И услышала неприятные вещи.

Как известно, мятеж в стране больше всего нужен иностранным друзьям. В данном случае – Авестеру.

Авестер поддержал Ивельенов и людьми, и деньгами. Иве-

льены вовлекли в заговор еще десятка два аристократов – не из самых блестящих, второй сорт. Но это-то и опасно. Ибо он всегда хочет стать первым. С деньгами у них, кстати, стало плоховато, вот и потребовалось устранить Лилиан, чтобы Мири досталась сестре Джеса. А уж ее деньгами найдут, как распорядиться.

Лиля кусала ноготь, но слушала молча.

Ее планировалось убрать до появления наследника. Джес должен был погибнуть при перевороте, ибо гвардия ему подчинялась. Да, его кое-кто не любил, но и недооценивать его власть было опасно. Что-что, но строить людей он умел.

Было несколько отрядов наемников. А скоро в гавань должны войти авестерские корабли. Когда Рик вернется... он ведь тоже поплывет морем. Если удастся, его перехватят там и спишут все на вирманских пиратов.

Если не удастся... достанут в Лавери.

Король скоро переберется за город, как и каждое лето. Загородная резиденция расположена достаточно удобно для заговорщиков. Там и земли Ивельенов неподалеку, да и сам замок – скорее роскошный дом, чем укрепленное строение...

Лиля взглянула на Ганца.

– Что делать?

– Во-первых, обо всем доложить королю. Во-вторых, Эрик уже в море.

– Эрик?

– Да. Наш друг пользуется авторитетом в своих кругах. У вирман он не меньше графа, а то и герцога. Я попросил его взять еще пяток кораблей – и встретить посольство.

– А...

– А еще я отдал им все зажигательные снаряды из вашей лаборатории.

Лиля кивнула.

– Умница. А...

– Джейми отправился с ними.

– А если его... Ганц! Он же мальчишка еще!

– Он уже взрослый. А если они окажутся кстати – заодно и свой титул подтвердит.

Лиля покачала головой. Вечное женское стремление прибрать всех под свое крыло в средние века обрубается безжалостно. Здесь взрослеют быстро...

– Вы настаиваете на разговоре с королем?

– Да.

– Когда?

– Сегодня вечером.

– Мне не хочется во дворец, – Лиля сморщила нос. – Я там и так слишком часто бываю... не хочу.

Дворец!

Вот почему-то это лицо ассоциировалось у Лили с дворцом. Придворная дама, красивая, яркая, молодая...

Лиля сжала руками виски, застонала...

– Где же! Ну где!?

– Ваше сиятельство?

– Ганц, дочь Амалии – копия кого-то... но я не помню, где видела этот портрет! Не помню!

– Во дворце?

– Да, да! Но где?! Кто был на нем?!

Ганц вздохнул. Вот что она опять придумала?

– Ваше сиятельство, не мучайте себя. Это...

– Это не пустяки! Это важно! Но – где!?

– Ваше сиятельство, вдохните, выдохните... – Ганц почти силой взял ее за руку. Если не получается отвлечь – надо помочь. Пусть успокоится, потом и о деле поговорить можно будет. – Теперь подумайте. Женщина на портрете – в чем?

Лиля сосредоточилась. Зрительная память у нее была – великолепная. Да и развивала она ее постоянно, как и многие медики.

– Блондинка. В пурпурном платье. Алое с золотом. Красивая, надменная, сидит на кресле, руки лежат свободно, она с вызовом смотрит вперед...

– Отлично. Как у нее уложены волосы?

– Высокая прическа. Несколько локонов спускаются на плечи, – Лиля закрыла глаза, и портрет встал перед ней, как живой. Надменная блондинка, на белом с золотом фоне, в роскошном платье, серые глаза смотрят решительно, глубокий вырез приоткрывает красивую грудь...

– На ней есть какие-то драгоценности?

– Да. Бриллианты. Маленькая диадема с бриллиантами,

колье, браслет, кольца...

– Браслет с бриллиантами?

– Да.

– На какой руке?

– Как у меня, – прикинула Лиля, вспоминая портрет.

Руки Ганца разжались.

– Ваше сиятельство, во дворец вы со мной поедете. Скажите – вы ведь видели этот портрет не в галерее?

– Да я там и не была. Во дворце.

– Вы просто шли по коридорам?

– Да. И наткнулась взглядом, – Лиля тряхнула головой. Коса метнулась по спине, больно стегнула пониже талии. – Я там чуть не заблудилась, шла по коридорам, а этот портрет – он как бы выступил из полусумрака. Словно его специально повесили подальше от людей...

Ганц прикусил губу. В отличие от Лили, он знал, чей портрет мог не понравиться королю.

– Кажется, я знаю, что это за портрет. Но если все так – к королю вы не пойдете.

– А объяснить?

– Ваше сиятельство, вы мне верите?

– Да.

– Тогда верьте до конца.

Ганц молчал, потому что обручальные браслеты с бриллиантами имели право носить только коронованные особы.

Эдоард вскрыл записку – и нахмурился. Своим слугам он доверял.

Королевский доверенный – это не просто так. И людей туда отбирают весьма и весьма тщательно.

Ганц Тримейн был одним из лучших. Он докапывался до такого, что Эдоард только руками разводил. Был верен и упрям. Еще с юности, с тех пор, как Эдоард, тогда еще принц, помог ему...

Но что случилось, если он просит принять его вечером?

Сегодня, чем скорее, тем лучше.

Это не слишком серьезно, но касается графини Иртон и ее дочери.

Что ж...

Если дело касается Миранды – в нем надо разобраться. Внучка все-таки...

Эдоард не знал, что Ганц врал в записке специально. Чтобы только получить аудиенцию – и как можно скорее. Тянуть он не собирался, не то дело, с которым можно ждать и жить. Если все так, как говорит Лилиан Иртон – это страшно. И это надо доложить королю как можно скорее.

А про Миранду?

А кому это интересно...

Авось и подслушивать меньше будут...

Алисия Иртон же получила записку от Лили.

Невестка просила уделить ей вечером внимание. Она придет во дворец, Алисия встретит ее, проведет к себе – и они посидят, поговорят. О Миранде.

Графиня ненадолго задумалась. Но потом решила, что все не так страшно.

Лилиан Иртон – умная молодая женщина. Почему бы не поговорить с ней?

И встречу, и проведу, и у меня посидит – ничего страшного.

А почему вечером?

Ничего удивительного. Днем у нее столько дел...

– Скоро домой.

– Да, уже совсем скоро, – Рик усмехнулся. – Корабли готовы, вещи погружены, осталось дня три – и мы поднимаем паруса.

– Надоела эта Ивернея...

– Сам виноват. Между прочим, и здесь можно неплохо провести время. Мы накупили уйму свитков, которые здесь все равно уничтожат. Поговорили с купцами, теперь некоторые из них... более лояльны к Ативерне. Погуляли по лав-

кам... правда, такое ощущение, что все диковинки сюда идут как раз от нас... торговый дом Мариэль... красивое название.

Джес повертел в руках золотое перо.

– Да уж... интересно, кто это у нас такой ловкий?

– Самому интересно. Ничего, приедем – узнаем.

– Ну и сами отчитаемся...

– А там – приезжают принцессы, пара приемов, я женюсь на Анелии – и все свободны.

– Кроме тебя.

– Увы...

Будущее не приводило Рика в восторг.

Лиля и Ганц ехали в карете, мрачно переглядываясь. Говорить не хотелось. Они уже обговорили все, что могли, уже поругались и уже помирились.

Лиля пыталась вытянуть из Ганца, кто была эта дама.

Ганц отмалчивался как рыба и говорил, что если он угадал правильно, то Лиля все обязательно узнает. А вот если нет – то лучше и не морочить себе голову.

Но она обязательно должна посмотреть, опознать – и вообще, информация наше все.

Лиля предложила, раз такое дело, сходить с ним к Эдоарду, но Ганц разнес эту идею в пух и прах. Нет уж, увольте.

Вам лучше быть от этого всего змеинового болота подальше. Гадюки целее будут.

Лиля расшипелась не хуже иной змеи.

Мол, ты – мой человек. И точка...

И вообще – государственные тайны жизненно опасны. Она все-таки графиня, а Ганц – просто королевский представитель, его могут убрать, а ее, может быть – и нет...

Тут взъерошился Ганц. И Лиля получила отповедь в том ключе, что если за каждый секрет по королевскому представителю убивать – кто работать-то будет? Его, может, и пожалеют, поскольку хранить тайны – это его работа. А вот графиню...

Поругались.

Поспорили.

И помирились. Времени все равно ни на что другое не оставалось. И сейчас Лиля ехала в карете и размышляла, что око тайфуна – это не метафора. Просто... судьба такая, видимо – притягивать все ураганы.

Надо ли вообще с этим лезть к королю, подвергая и себя, и Ганца опасности? Может, проще договориться было с Ивельенами? В обмен на избавление от Джеса... она могла бы быть полезна любой династии...

Такая мысль у Лили была, чего уж там.

И была нещадно раздавлена.

Хорошо, когда на престоле – монарх. Действительно сильный и страшный. Эдоард, по крайней мере, правит справед-

ливо. Да и спокойно тут.

Допустим, Ивельены *воссядут*.

А удержатся ли?

Уж простите, уместить попу на трон – одно, а высидеть на нем потомков – другое. У нас и Лже-Дмитрии отметились.

Но... они не усидели. А ведь если бы тогда поддержали Годунова... не было бы смуты, не было бы Романовых... эххх... какого геморроя избежали бы!

Нет, Лиля была за законную власть.

Ладно бы Эдоард был типа Николая Второго, который при своей жажде лучшего и стремлении к счастью для всех про... гадил сначала несколько войн, а затем и страну.

Так нет же. Нормальный мужик, серьезный, не боящийся жестких решений, но и не утопающий в крови. Все вполне спокойно и даже уютно.

А если Ивельены не усидят?

Смута, кровь, война, революции... да кому это надо? Уж точно не Лиле, которая воочию видела это в своей стране и жила с этими последствиями. Как Перестройку ни назови... так что идите, товарищи, сторонники перемен, идите, не доводите до греха, тут ведь за убийство далеко не всегда сажают...

Алисия встретила их на входе во дворец. Seriously посмотрела...

– Лилиан, что это за секреты?

Ганц поднял руку, отмечая все вопросы.

– Ваше сиятельство, прошу простить меня. Это я попросил графиню Иртон на всякий случай побыть во дворце. И – в вашем обществе. Мало ли что понадобится его величеству.

Алисия пожала плечами.

– Если это так необходимо...?

Лилиан кивнула.

– Я верю лэйру Ганцу. Идем?

– Идем. Только...

Ганц уверенно шагнул куда-то в темноту коридоров. Женщины следовали за ним. Лиля почти не приглядывалась. Да и что толком разглядишь впотьмах? Старинные портреты, старинные доспехи...

Пляшущий огонек свечи выхватил из темноты красивое женское лицо.

– Ваше сиятельство?

Ганц спрашивал – и видел, все так и есть.

– Это она. Кто это? – Ганц молчал, зато не удержалась

Алисия.

– Первая жена короля. Имоджин Авестерская.

Лиля огляделась пристальнее. Ну да. Сюда она забредала тогда, после аудиенции... кажется? Неважно. Во дворце она тогда не ориентировалась. И сейчас не намного лучше.

– Почему она здесь?

– Король приказал. Вроде, как и на виду, но и... сюда почти никто не ходит.

Лиля кивнула.

Сложно уловить сходство между большим ребенком – и портретом, но оно ведь было, черт возьми!

Будь девочка нормальной, вот так и было бы... копия!

Да и глаза.... Форма, цвет, разрез... ладно – это списываем на Амалию. Все-таки Эдоард... Но внешность Имоджин?

Тот же нос, те же губы...

Черт побери...

И мозаика начала складываться с такой скоростью, что Лиля даже пошатнулась.

– Графиня?

Ганц искренне встревожился. Но вот в сумраке блеснули зеленые глаза.

– Все в порядке, лэйр. Просто теперь... теперь я все поняла.

– Тогда идемте?

И увидела по глазам Ганца, что поняла – не она одна.

– Лэйр?

– Да, графиня. Это, похоже, так...

– Это... бред!

– Нет. Боюсь, что это действительно так.

– Ганц, вы не должны идти к королю – один. Это...

– Лилиан, не спорьте сейчас со мной, – столько металла было в голосе королевского представителя, что женщина вздрогнула. – Поверьте мне – сейчас.

Лиля вздохнула – и кивнула.

– Ладно.

– А мне никто ничего не объяснит? – Алисия была чуть недовольна и не считала нужным скрывать недовольствие.

Ганц и Лиля, не сговариваясь, помотали головами.

– Нет.

– Неужели?

Лиля подняла руку.

– Алисия, милая – все потом. Сейчас не до таких мелочей.

Вскоре компания разошлась. Ганц отправился на доклад к королю, Лилиан – к Алисии.

Эдоард ждал гостя в кабинете.

– Лэйр Ганц?

Мужчина поклонился.

– Ваше величество, я благодарен, что вы согласились...

– Не надо велеречивостей, лэйр. Что не так с Лилиан и Мирандой?

– С ними все в порядке, Ваше величество. И я заранее прошу прощения, что ввел вас в заблуждение. Но это не из корыстных соображений.

– Да?

– Ваше величество, мне просто не хотелось писать о действительной причине визита.

Эдоард кивнул ему на кресло.

– Что ж. Садитесь и рассказывайте, лэйр.

Ганц поклонился, опустил в кресло и тихо заговорил.

– Ваше величество, я должен сообщить, что герцог Ивельен готовит заговор против короны.

– Вот как?

– Да, Ваше величество.

– И как же Вы это обнаружили?

– Когда покушались на графиню Иртон...

– И тут она?

– С нее все и началось, Ваше величество. Я прошу прощения за дурные вести, которые я принес, Ваше величество...

– Рассказывайте, лэйр.

Ганц рассказывал. Эдоард мрачнел.

Заговор был не слишком обширным и разветвленным. Всего-то десятка два человек. Хотя достаточно высокопоставленных. Но ведь и у таких бывают проблемы. У одного – долги, у второго – дети, у третьего потомственная обида на корону, четвертому рога на голову давят – и он увидел подходящий случай сквитаться с врагами...

Граф, барон... ни одного герцога, кроме самих Ивельенов. Оно и правильно. Зато какие-то капитаны, какие-то планы... нет, составлено-то было неплохо.

И началось все это дело около трех лет назад. Именно тогда Ивельены начали списываться с Авестером, именно тогда им помог Леонард, который был сильно обижен на Эдоарда еще со времен Имоджин, а потом и Ричард добавил, отказавшись от его доченьки...

А с помощью Леонарда... нашлись и наемники, и другие недовольные (их же всегда много)....

Но денег мало не бывает. И Ивельены, поиздержавшись, решили прикончить Лилиан – когда узнали о ее беременности. А потом и Миранду.

Зачем?

Ну, Миранда наследница.

Джерисон?

Так и понятно. Его все равно планировали убирать. Как и Эдоарда, как и Ричарда...

В результате все наследовала бы Амалия.

Нет, можно выдать Мири замуж за кого-то, но зачем рисковать? Убить – проще.

– Значит, Ивельены. Восхитительно. Графиня об этом знает?

– Нет, Ваше величество. Точнее – знает, но не обо всем.

– А о чем же?

– Что заговор есть. Что это Ивельены. Остальное ей без надобности.

– Это хорошо... Амалия, Амалия...

– Они были вне подозрений. Их никто и никогда не проверял. И они могли плести свою паутину, вербовать союзников... их не так много, но... ведь и у нас в столице не так много войск?

– Стрелки и гвардия.

– На стрелков можно не рассчитывать, Ваше величество, –

развел руками Ганц, – там каждый второй капитан куплен Ивельенами.

– Вот как? Откуда Вы это знаете, лэйр?

– Каждое преступление оставляет финансовый след, – Ганц усмехнулся. Упомянуть, что так сказала графиня, не стоило. – Даже наличные не получают из воздуха. Всегда можно поговорить с портными, мастеровыми, можно узнать у крестьян, сколько с них дерут налогов, у служанок – много ли у госпожи новых платьев, у оружейников – сколько им должны...

– И Вы смогли все это так быстро выяснить?

– Я привлек еще нескольких представителей, – честно признался Ганц. – Как только я понял, что дело глубже, чем просто покушения на графиню – я уже не решался работать в одиночестве. И мы взялись вместе. Плюс наша разведка, плюс вирмане – силовая поддержка... хотите – рубите голову. Но иначе я и половины не накопал бы. И как только стала складываться картина, я поспешил к Вам.

– Один?

– Ребята решили, что можно мне доверить доклад.

– Что Ваши люди знают о... Ивельенах?

– Ничего, Ваше величество. Моя воля – я бы и графиню не впутывал в это дело, – не удержался Ганц. – Не для женщины это...

– Ладно, – взмахнул рукой король. – Давай так. Шум поднимать я не позволю. Ганц, я дам тебе отряд гвардии. Смо-

жешь с ее помощью взять всех и посадить в Стоунбаг?

– Всех?

Эдоард поморщился.

– Ивельенов – в том числе. Лорана, Питера... Амалию...

– А детей?

– Детей... старших – туда же.

– Ваше величество...

– Делай! – рявкнул Эдоард. – И лучше – прямо сейчас.

Напиши приказ, я подпишу...

– Слушаюсь, Ваше величество.

Ганц послушно набросал несколько строк, еще раз вспомнив добрым словом Лилиан Иртон. Удобное все-таки перо...

Король едва дождался, пока чернила просохнут, быстро подписал, поставил печать...

– Иди...

– Ваше величество, простите, но я должен рассказать и другое.

– Я чего-то еще не знаю?

– Да, Ваше величество. Я умоляю простить меня...

– Лэйр!

– Ваше величество, Вы помните тот день, когда Ваш друг и Ваш сын...

– Да. К чему ты сейчас заговорил об этом?

Эдоард догадывался, что радости ему этот рассказ не принесет. Но... надо было. Он – король. Он – должен.

– Ваше величество, я заранее прошу простить меня за все

необдуманные слова, которые могут причинить вам боль. И за те вопросы, которые вынужден буду задать. Я не хочу этого. Но выбора у меня тоже нет.

– Интересно... Спрашивай. Я отвечу... наверное.

– Когда нашли мертвых Джайса и Эдмона – с Вашего позволения, я назову их именно так, для быстроты. Это ведь Джайс отравил и принца, и себя, так?

Ганц смотрел прямо в глаза королю. И Эдоард нехотя кивнул.

– Так. Откуда ты узнал?

– Догадался. Если бы было наоборот – Вы бы... не то, что стали бы скрывать. Но расследование проводилось бы на тему, где принц взял яд и зачем ему травить графа. А вот Джайс... Вы берегли детей. Вы все сделали, чтобы не разразилось скандала. Нашли убийцу, которым якобы оказался лакей, казнили его...

– Тайно выпустили с деньгами и приказом молчать до конца жизни. Я не хотел убивать невинного мальчишку. Он ведь младше Эдмона был...

Эдоард чуть ссутулился. Но потом до него дошло. Выпрямился, сверкнул глазами... Ганц не обманывал себя. Сейчас его жизнь висела на волоске.

– Детей?

– Я не оговорился, Ваше величество. Джерисона и Амалию. Ваших детей с Джессимин.

– Откуда ты...

– Я был в Иртоне. У графини сохранились письма.

– Какие?

– Ее величество писала матери. Перед рождением детей она начинала умолять мать простить ее во имя великой радости... дети – это всегда счастье, и неважно, в браке они родились или нет. Но я сопоставил даты – и у меня возникло предположение. Потом я навел справки. Алисия Уикская ... все говорили, что она бесплодна. Докторусы, ее родные – но вдруг предложение, двое детей... Амалия родилась недоношенной, мать ею никогда не занималась, да и Джерисоном тоже. Зато дети попали во дворец как товарищи по играм их высочеств...

– Отдаю должное твоей догадливости. Графиня знает?

Ганц покачал головой.

– Она не настолько разбирается в этом, чтобы найти зацепку. Да и ей это неважно.

– А тебе?

– А я старался понять. Разобраться. И – ужаснулся.

– И что ты собираешься делать с этим пониманием?

– Молчать. До конца дней своих. Неважно, когда он будет.

Молчать.

Взгляд короля чуть потеплел.

– Молчи. Иначе...

Ганц коснулся Знака, висящего под рубашкой.

– Альдонаем клянусь, ваше величество. Чтоб мне дороги в его царство не найти... Но это, к сожалению, только при-

сказка.

Эдоард вздохнул, и решил видимо, пояснить. Или просто выговориться?

– Беременности получились случайно. Мы старались быть осторожны, она брала зелье у одной ведьмы, но такие травы опасны, если принимать их постоянно. Меня тогда не было в столице, и довольно долго. Джесси решила сделать перерыв. А отец неожиданно вызвал меня.

Мы были неосторожны. Но мы любили. И потеряли головы.

– Идея выдать детей сестры за детей брата принадлежала Джайсу. – Ганц не спрашивал. Он – утверждал.

– Угадал. Джайс любил сестру до безумия. Он был всем сердцем предан Джессимин, готов был целовать землю, по которой ходила сестра. А когда она полюбила меня – он стал моим самым преданным другом. Лишь бы быть рядом с ней. Если бы они были хотя бы кузенами.... Джайс готов был на все ради сестры. Убить, умереть, предать, обмануть... И она отлично это знала.

Ганц кивнул.

– Амалия и Джерисон ничего не знают, так?

– Абсолютно верно.

– Вот! Это и не давало мне покоя. И такой вопрос... яд находился у Джайса?

Эдоард кивнул, снял с пальца кольцо с большим синим камнем и осторожно что-то повернул. Камень откинулся – и

под ним обнаружился сероватый порошок.

– Это было на руке у Джайса. Потом яд дали собаке. Она умерла.

– Пока все сходится. А теперь такая сказочка. Росли вместе пятеро детей. Питер Ивельен рос вместе с Эдмоном, часто бывал при дворе.

– Да...

– Товарищ по играм его высочества. Простая такая должность, но иные на ней высоко взлетали, а иные больно падали... не сомневаюсь, что они крепко дружили.

– Да. Питер – неплохой юноша. Но...

– Ведомый. Всегда второй, вечно второй... неплохой, но вот так вот. А Эдмон был Вашим первенцем. Нервный, чувствительный мальчик, любящий свою мать. И – ненавидящий Иртонов. Эдмон любил мать. Джесси отнимала у них отца, Джайс помогал этому... я не знаю, Имоджин ли рассказала ребенку, сам ли он дошел... он – ненавидел. Но о детях не знала и Имоджин. Верно?

– У нас были страшные скандалы, – его величество вздохнул. – Дикие, отвратительные... но детьми она меня не попрекнула ни разу. А если бы знала – обязательно. Мы сделали все очень быстро, когда узнали, что Джесси забеременела...

– Джайс наверняка готовился заранее. Я ведь его помню – он был умен. Очень умен.

– Да.

– Итак, дети растут вместе. Взрослеют, Эдмон понимает, что станет следующим королем, вот тогда-то он и отыграется на ненавистных Иртонах. А пока – пока можно притвориться. Амалия младше его всего на год. И на тот же год младше Питера Ивельена.

Я не знаю, как это получилось. Но твердо уверен, что Амалия и Эдмон полюбили друг друга.

– Что?! – Эдоард аж задохнулся.

Ганц пожал плечами.

– Они не знали о своем родстве. Поэтому ощущали себя свободными. И в то же время... Эдмон ненавидел всех Иртонов. А Амалия, как ни крути...

Теперь о грустном. Ваши внуки, Сэсси и Джес-младший. Я более чем уверен, что они – от Эдмона. И третья дочь Амалии – тоже. Вы ее видели?

Эдоард покачал головой.

– Нет. Разве что в младенчестве.

– Оно и неудивительно. Честно говоря, малышка – копия бабушки. Только глаза – Ваши.

– Джесси?

– О, нет. Имоджин. Они понимали это. И хорошо прятали девочку. Но потом сделали ошибку. Они допустили к ней Тахира, а тот отказался ехать без любимой ученицы. Графиня увидела девочку – и рассказала мне.

– Она знает?

– Нет. Она просто пошутила, что малышка – копия коро-

левы Имоджин.

– Но она...

– Она видела портрет. Одного раза оказалось достаточно. И вот тут я понял. Если бы дети были от Питера – уж простите, Ваше величество, девочка была бы Вашей копией – возможно. Но ее величество Имоджин? Невероятно...

Эдоард ссутулился.

– Но почему...

– Я удивился, когда они решились допустить к девочке докторусов, – вздохнул Ганц. – Но, видимо, тут сработало нечто другое. Тахир – ханган. Ему все наши интриги до лошадиного копыта, уедет – и забудет. Лилиан же... Ее супруг создал ей соответствующую репутацию. Она – дура и королева, так, Ваше величество?

Эдоард сдвинул брови, но Ганца этим было уже не запугать.

Карты на стол. Пан – или пропал. Второе вероятнее, но карте – место!

– В кои-то веки это сыграло нам на руку. От Лилиан не ждали ни подвоха, ни понимания, а Имоджин и девочка – они просто идентичны. И вот тут мне пришла в голову мысль. Я подозревал, что Ивельены решили претендовать на престол... если Амалия Ваша дочь, плюс их кровное родство с королевской династией... но когда Лилиан рассказала про малышку... Это могло случиться при браке с кем-то светло-волосым.

Эдоард выпрямился в кресле.

– Браке?

– Да. Подозреваю, что Амалия и Эдмон, хотя и не были женаты официально, но... когда ее сговорили за Ивельена?

– Он сам посватался. И настаивал на свадьбе. Амалия тоже была не против...

– А Эдмон был в отъезде. Верно?

Эдоард задумался, что-то подсчитывая.

– Примерно за месяц до свадьбы я отослал его на границу. Он нахамил Джесси...

– Надо полагать, события развивались так. После отъезда любимого Амалия понимает, что беременна. Начинает в ужасе метаться – и на дороге у нее встает третий. Питер Ивельен, который с детства любил и нежно обожал Амалию. Парень обрадовался возможности получить ее хотя бы так.

– Это как?

– Она стала его женой. Формально, не фактически. Потому что они уже были обвенчаны с Эдмоном. Не знаю, в курсе ли был Лоран Ивельен – тогда. Может быть, молодежь просто устроила скандал...

– Он был не слишком доволен на свадьбе...

– А после свадьбы молодые уехали в поместье?

– Да...

– Там проще скрыть срок родов. Полагаю, поэтому Джес-младший и родился, в отличие от самой Амалии, доношенным.

– Полагаете...

Эдоард выглядел так, словно ему не пятьдесят недавно исполнилось, а все двести, смотреть было страшно. Только вот и молчать Ганц не мог. Клялся ведь в верности...

– Уверен. Возвращается Эдмон, но скандал не раздражается. Вы хотели тогда его женить, так что ему пришлось молчать.

– Я хотел заключить его помолвку, но он старался отказать, выскочить из пальцев...

– Еще бы. У него уже были жена и ребенок, а там и второй на подходе, и третий – куда уж ему невесты?

– Страшно поверить.

– Более чем. А теперь подумайте. Могло известие о том, что у него вообще-то другой зять – Эдмон, что у Амалии трое детей от него, они любят друг друга и это будет обнародовано – ошеломить Джайса?

Эдоард медленно наклонил голову.

– Могло. И тогда яд... я могу его понять...

– Я тоже. Увы... Джайс принимает страшное решение второпях. Эдмон старается наладить отношения с тестем, он знает, что это важно для Амалии, он предлагает мир. А Джайс в ужасе. Кровосмешение. Хотя и невольное, но... и они собираются это продолжать. Как их остановить? Поговорить? Рассказать? А если не поверят? Я бы вот точно не поверил. Какие тут предъявишь доказательства?

– Я бы сказал...

– А Эдмон поверил бы? Или посчитал бы, что Вы просто хотите разлучить его с любимой?

Эдоард задумался.

– Возможно и так.

– У Джайса считанные секунды на принятие решения. И он выбирает самое простое. Нет человека – нет проблемы. Эдмон не ждет подвоха – и спокойно выпивает яд из рук тества. Но и сам Джайс... то ли он травил оба бокала из верности. То ли... решил, что смерть смывает его позор. Не знаю...

– Второе.

– Вам виднее. Я-то чуть голову не сломал, когда размышлял об этом. Все не складывалось. Все было не так, не тогда... Люди просто так со скалы не прыгают. А тут прыгали все. И со скалы, и на скалу... я никак не мог понять – про королевскую кровь. Казалось бы, ну есть она в Ивельенах. Там по какой-то пратетке.

– По двум линиям.

– Хоть и по трем. Этого мало, чтобы претендовать на престол. Амалия – бастард. В случае обнародования ей же будет хуже, но королевой ее не примут.

– И не приняли бы.

– Вот! Но Ивельены развернули такую сеть... надо полагать, что у них-то есть все доказательства...

Эдоард вздохнул.

– Зачем ты мне все это рассказал сейчас?

– Не из стремления раскрывать чужие тайны, клянусь

жизнью. Да ей и придется клясться. Честно – если бы не было заговора – я бы промолчал и никогда даже знака не подал, что знаю. Но... убьют сначала меня, а потом Вас. А я хочу жить.

– Кто ж не хочет...

Эдоард знал.

Питер Ивельен был товарищем Эдмона.

Амалию и Джеса часто приглашали во дворец, когда они подросли, но Алисия действительно детей не воспитывала. Этим занимался Джайс, ну и Джесси когда-то. До того, как стать королевой.

Ругаться было бессмысленно. Оставалось только ругать себя. Просмотрел. Проворонил.

– Иди, Ганц.

– Ваше величество... позвать кого-нибудь?

– Моего камердинера.

– Слушаюсь...

Ганц опрометью помчался за слугой.

Камердинер у Эдоарда был один, зато старый и доверенный, прислуживавший ему еще с детства. И к королю он относился... своеобразно. Как старый дядюшка к молодому и бестолковому племяннику. А что?

Когда каждый день власть без штанов видишь – как-то всерьез ее воспринимать не получается.

Эдоард тем временем уселся за стол. Потер лоб.

М-да.

Вести...

И что теперь делать?

Казнить своего представителя?

В принципе – можно. Чтобы все наружу не выплыло. Но ведь оно и так... даже если он казнит Ганца...

Интересно, Лилиан Иртон в курсе – или нет?

Скорее всего – да, но вряд ли она знает все. Так, часть...

– Ваше величество?

Камердинер. И лэйр Ганц.

– Лэйр, я отдал приказ. Приступайте.

Ганц поклонился – и исчез за дверью. Эдоард потер болевшую последнее время грудь – и кивнул камердинеру.

– Помогите раздеться, Джон...

– Слушаюсь, Ваше величество.

Эдоард собирался лечь, полежать. Уснуть точно не удастся, хотя...

– И вина мне согрей. С медом и пряностями.

– Сейчас, Ваше величество... Никого не позвать?

Вот уж видеть свою официальную фаворитку Эдоарду не хотелось.

– Нет.

– Оно и правильно. Говорят, баронесса-то перья распустила, перед графьями да герцогами клюв дерет...

– Клюв – у курицы, – Эдоард усмехнулся. Старику он позволял многое.

– Так ить курица она и есть, – камердинер расшнуровал

завязки и помог королю снять тунику. – И преглупая. Вот так, Ваше величество, давайте я сапоги сниму...

Эдоард подчинился ласковым рукам слуги. Слушал уютное ворчание и потихоньку успокаивался. А стоило прилечь – и боль стала чуть полегче.

Да, уснуть не удастся. Но хотя бы полежать, чтобы не так болело...

Как ни спешил лэйр Ганц, но заглянуть к Алисии Иртон он время нашел.

Лиля была там. Сидела, разговаривала...

– ...поехать на верфи. Почему нет? Папа будет рад.

– Ваше сиятельство?

– Лэйр Ганц!

Лиля почти взлетела с дивана, схватила друга за руки.

– Все в порядке?

– Я сейчас еду к Ивельенам. Ваше сиятельство, пообещайте мне дождаться меня здесь?

– Хорошо.

Серьезный взгляд, глаза в глаза.

– *Обошлось?*

– *Пока не знаю. Но лучше промолчать...*

– *Я промолчу. Алисия?*

– *Расскажите часть правды.*

Они молчат. Но иногда слова не требуются. Между ними словно протягивается тоненькая ниточка понимания. Кому-то потребуются годы, чтобы достичь подобного, но не им. Они думают об одном и том же, чувствуют одинаково, сейчас они – почти одно целое.

Лэйр Ганц уходит. И Алисия вопрошающе смотрит на Лириан.

– Что случилось?

Лиля кратко пересказала историю с Ивельенами. Она промолчала про королевские родственные связи, да и про многое другое. Про догадки, письма...

Амалии она сказала, что Ивельены строили заговор против короны, а Лиля попала в эти жернова побочным продуктом. Если ее убить – заговорщики получили бы деньги, а со времени и верфи...

Алисия покачала головой.

– Заговор? Альдонай, король будет просто убит...

– Главное, чтобы он потом не избавился от лэйра Ганца.

– Лириан!

– Те, кто посвящается в государственные тайны – долго не живут.

– Лириан, Эдоард – умный и милосердный государь...

– Мне хотелось бы так думать, – Лиля вздохнула. – Но пока я буду волноваться.

По своему опыту она не верила в справедливость власть имущих.

Глава 2.

Развязка первого узла.

Комната Алисии сделала бы честь самому строгому монаху. Узкая кровать, высокий шкаф, несколько сундуков... простые строгие драпировки, стол...

Когда Лиля спросила, почему свекровь так и не обжилась здесь – та только покачала головой.

– Мне много не надо.

Сейчас две женщины сидели и ждали. Не просто так Ганц попросил Лилиан отправиться во дворец. Вирман он забрал с собой, а обеспечить защиту графини своими силами...

Ребята Лейса могли. Но...

Мало ли что.

Мало ли кто...

Рисковать хозяйкой – а может, уже и кем-то большим (другом, например?) Ганц не собирался. Так что женщинам предстояло провести ночь в покоях Алисии. Вряд ли во дворце до них доберутся убийцы. Уж не в эту ночь точно. Потом – да. Есть опасения. А сейчас...

Средние века. Главная беда – медленное продвижение информации. На дворцовой голубятне Ганц оставил двоих вирман. Раньше утра ни одно сообщение до адресата не дойдет.

А к утру все будет кончено.

Лиля, которая знала о его планах, сейчас сидела в кресле – и пила пустырник.

Горькая гадость. Но успокаивает ведь...

Алисия расхаживала по комнате.

– Я и сейчас не верю, что Амалия...

– Я бы тоже не поверила. Но что мы о ней знаем?

– Она моя...

– Дочь. А в остальном?

– Жена, мать... Питер ее обожает.

– А она – его?

Алисия задумалась.

– Вроде бы тоже...

– И как это проявляется?

– Что ты имеешь в виду, Лилиан?

Лиля вздохнула. Как тут объяснить...

Это просто как пелена счастья в воздухе.

Когда отец возвращается домой, а мать обязательно встречает его в коридоре и целует, и у него такие глаза...

А потом они поворачиваются к дочери, которая тоже выбежала в прихожую – и улыбаются. И в воздухе словно разливаются теплые солнечные лучи.

И когда в доме вдыхаешь этот запах – и понимаешь, что здесь все счастливы. Можно облить квартиру Шанелью, но нельзя подделать это...

Счастье – словно светлячки, плывущие в воздухе. И про-

является повсюду.

В жестах, улыбках, взглядах, прикосновениях... и вот у Ивельенов Лиля этого не видела.

Ингрид и Лейф – да! Три тысячи раз – да!

А вот с Питером и Амалией, по мнению Лили, было иначе. Он – поклонялся, она – принимала это, но не более того.

Почему этого никто не замечал?

Ну, на людях все могло выглядеть и по-другому, но Лили-то попала в такой момент, когда все полезло наружу. А всерьез ее – можно хоть сто раз повторить это – никто не принимал. Хоть на что-то муженек сгодится.

– Я не видела у них счастья. Крепкий дом, любовь со стороны Питера, спокойствие – внешнее.... Алисия, почему могло так получиться?

– Ты про Эдмона и Амалию?

– Да.

– Не знаю. Но вот то, что они держали свои отношения в тайне – спокойно. Эдмон ненавидел всех Иртонов. И, наверное, когда полюбил Амалию, сам себе не поверил.

– И что? Пришли бы к родителям, поговорили...

– К отцу, которого он терпеть не мог?

– Пришел бы к Джайсу...

Алисия задумалась.

– Лилиан, может быть, ты просто не понимаешь. Эдмон ненавидел Иртонов. Обратиться ко мне или к Джайсу для него тоже было нереально...

– А Амалия?

– А ты бы пришла к отцу с заявлением, что любишь мужчину, ждешь от него ребенка и хочешь за него замуж?

Вообще-то Аля Скороленок с таким заявлением и к президенту бы явилась. А вот Лилиан...

– Вряд ли...

– Он бы просто тебя убил.

– Надеюсь, что нет. Но...

– А мы бы вообще... выход только один: вытравить плод – и отправить Амалию в монастырь.

– Шикарно. Ладно, Алисия, мы сейчас можем гадать сколько угодно, но ответ знает только Амалия.

Алисия закатила глаза.

– Лилиан, а ты понимаешь, какой опасности ты себя подвергаешь?

– Какой опасности? – Лиля смотрела наивно.

– Ты теперь знаешь...

– О заговоре? Знаю. И что?

– То есть...

– Алисия, я собираюсь молчать. Ты – тоже. Лэйр Ганц никогда не признается, что рассказал нам. Больше никто ничего не узнает. А те, кто посмеют обсуждать короля... что, палачи в стране закончились?

Алисия рассмеялась.

– В чем-то ты права. Вот что делать с Ивельенами....

– Устроить им несчастный случай, – буркнула Лиля. –

Есть варианты?

– А дети?

Лиля почесала нос. Вот это она не продумала. Дети...

– Не знаю. Определенно безопасна младшая девочка. Она не даст здорового потомства, вообще слишком долго не проживет.

– А старшие? Джес? Сэсси?

– Зависит от того, сколько им сказали родители...

– Ты полагаешь... – женщины обменялись серьезными тоскливыми взглядами. Лиля вздохнула.

– Не знаю. Не хотела бы я быть на месте короля.

Никто не хотел бы... Эдоард и сам бы сейчас с кем-нибудь поменялся. Противно ныло в груди, болели виски, боль захватывала то плечо, то правую руку...

Не первый раз. Но... он сильный, он справится.

Эдоард лежал на кровати и смотрел в стену.

Очень хотелось поднять тревогу, поднять на ноги дворцовую стражу, перевести дворец на осадное положение...

А вот нельзя. Никак нельзя. Если сейчас поднимется паника – заговорщики либо удерут, либо ударят первыми. Нет, тут никак нельзя бить во все колокола. Лучший способ – это по-тихому взять Ивельенов, допросить в Стоунбаге и – решить по результатам допросов.

Лишившись основных претендентов, заговорщики невольно сцепятся. Никого достаточно знатного, чтобы претендовать на престол, там нет. То есть хотя бы дней десять времени они выиграют. А время сейчас – самое главное.

А еще Ганц предлагал создать службу королевских ассасинов. Пожалуй, надо будет так и поступить.

Есть вот человек. Казнить его нельзя. В живых оставлять опасно. Что же делать?

Либо несчастный случай, либо дуэль, либо... да что угодно! Но кто это может устроить?

Вот и завести специальных людей. Вырастить из части его мальчишек и девчонок... почему нет?

Подловато?

А вы подумайте, что иначе эти мальчишки-девочки сдохли бы на улице. А так их ожидает работа на благо государства, хорошая зарплата и пенсион. А может – и титулы. Вот Ганцу точно надо барона дать за его работу. Заслужил.

Скажете – работа бесчеловечная? Убивать людей?

Тебя убьют – а ты не злоумышляй против государства. Есть ведь люди, которых *надо* убить, без всякой оглядки на Альдоная. Просто – надо. Ибо если они живы останутся – крови прольется...

Есть такие...

Дочка, за что?!

Ночевать Лиля осталась у Алисии. Улеглась на вежливо предложенную жесткую кровать, укрылась плащом (одеяло было грязноватым), Нанук (не хотела, но пришлось взять собаку с собой) всей тушкой упал на ноги, отлично их согревая.

Она свое дело сделала. А воевать – это к мужчинам.

Пусть лэйр Ганц отдувается. Глядишь, бароном станет... хороший он мужик. Джесу бы его характер – жили бы душа в душу...

Ганц Тримейн и отдувался. За всех.

Вирмане, плюс королевский ордер, делали чудеса.

Королевский ордер?

Золотая бляха, щедро украшенная самоцветами. Таких всего штуки три. Или четыре. И все хранятся у короля. Так что подделать их невозможно.

Но на время предъявления этой игрушки каждое слово Ганца становится словом короля, как если бы его величество сам приказывал.

И Ганц пользовался от души. Не в своих интересах, нет. Всегда в интересах короны. Первым делом принявшись, с помощью вирман и людей Лейса, за дворцовую гвардию.

– Капитан, Вы арестованы...

– Лэйр, Вы арестованы...

Заговор надо было давить в зародыше. И чем скорее, тем лучше.

Все делалось без шума и пыли. Оглушить, связать, вставить кляп – и в карету. Закрытую. А там – довезут их вирмане до Стоунбага, ничего не случится. Написать письмо коменданту, пусть допросит подлецов как следует.

Написать письма нескольким своим... знакомым.

Королевские доверенные не то чтобы дружат. Нет среди них такого. Но есть те, кому они доверяют чуть больше – и те, кому доверяют чуть меньше. Вот более доверенным Ганц и слал весточки. Чтобы на местах либо арестовали таких-то, либо организовали их убийство.

Безжалостно?

Он слишком много на себя берет?

Плевать на все!

Тут речь идет о язве, которую надо каленым железом выжигать. Как можно скорее, пока не прорвалась.

Летели птицы, мчались гонцы...

А Ганц тем временем отправился к Ивельенам.

Для любого заговора нужна голова. И если ее отсечь... нет, может быть и так, что найдется новая. А может и не быть.

В любом случае – их надо взять и поместить в Стоунбаг. А уж потом разбираться...

Амалия и Питер сидели у открытого окна. Близняшки устроили матери безумную ночь. Обычно детей отсылали в другое крыло, но Питер не мог расстаться с младенцами. А у них то ли колики приключились, то ли еще что... орали – вдохновенно. А по жаркой поре окна были открыты, и слышимость – идеальная. Питер, не вынеся детского крика, зашел к кормилице, потом к Амалии, да так у нее и остался.

Женщина смотрела в окно на звезды.

– О чем ты думаешь, родная?

Амалия словно не сразу его услышала. Но потом...

– О мести, Питер.

– Столько лет уже прошло...

– Сколько?! – синие глаза сверкнули гневом. – Сколько? У меня отняли любимого мужа, у детей – отца, у тебя – друга... разве можно тут говорить о давности?

Питер вздохнул.

– Нельзя.

Жену он любил. Но сильно подозревал, что она его не любит. Так, как Эдмона – нет.

Тогда Амалия горела. Сейчас же ему достались одни угли. Больно?

Может быть. Но Питер подозревал, что когда все будет кончено – она оживет. Станет такой, как прежде. И даже сможет полюбить его. Пусть не так сильно, как некогда другого, неважно, его любви на двоих хватит.

– Скоро все будет кончено. И я вздохну спокойно. Справедливость будет восстановлена.

Амалия сжимала в руках жемчужное ожерелье.

Его подарок за детей.

– Что это? Факелы?

– Отряд?

Питер взгляделся.

– Нет, я не сказал бы. Так, человек пять...

– Кто там... надо спуститься...

– Ты не одета. Я позову слуг.

– А ты спустись, хорошо?

– Может быть, отца...

– Не вижу смысла. Если что-то важное, тогда...

Но, как оказалось, Лоран Ивельен тоже не спал. Они с Питером встретились внизу, переглянулись...

Нет, они не ожидали провала. Человеку вообще не свойственно признавать ум других людей, каждый считает, что он – умнее всех, разве нет? Да и все было хорошо спрятано. Но может быть что-то такое...

Этим Ганц и воспользовался. У него было письмо, запечатанное одним из колец Лилиан, а внутри коротенькая записочка.

Вирмане, которые были здесь с Лилей, да и с Алисией, говорили, что тут охраны – человек двадцать. Если начнется бой, Ивельены успеют удрать, а если лезть напролом – он начнется. Поэтому...

Ганц и еще человек пять приедут открыто, с письмом о покушении на графиню Иртон. Удавшемся. И просьбой Алисии приехать как можно скорее.

А основной отряд – он будет ждать. Рядом и недолго. Если кто-то подаст сигнал тревоги – они придут на помощь.

Военная хитрость.

И когда он замолотил в ворота, их пропустили без страха. Чего бояться? Пять человек...

Лэйр Ганц поприветствовал герцога, поцеловал руку Амалии и бросился объяснять. Выглядел он так, что поверили. Красные глаза, дрожащие руки, измученное лицо, растрепанные волосы, грязная одежда...

– Ужасное несчастье! Покушение на графиню Иртон!

– Альдонай! – ахнула Амалия.

– И?

– В нее стреляли. Убийцу взять не удалось. Но стрела попала в легкое... графиня теряет кровь, она очень плоха. Тахир не ручается, что она доживет до утра... госпожа, она очень хотела видеть и Вас, и герцога... я умоляю Вас...

Ганц упал на колени, с которых его спешно поднял Питер.

– Нас? Но зачем?

– Миранда, госпожа... Лилиан не может умереть спокойно, она просила меня привезти вас. Она знает, что вы сможете приглядеть за девочкой...

Ганц врал вдохновенно, на волне адреналина. И столько искренности звучало в его словах... да и кого еще просить.

Старую гадюку? Смешно... Алисии ребенка можно было доверить в последнюю очередь.

Амалия вздохнула.

Ехать не хотелось. Но... разве она может отказать в такой просьбе?

– Возможно, с утра...

– Госпожа! Графиня очень плоха! – Ганц опять упал на колени. По лицу его струились настоящие крупные слезы. А то ж... коленками со всей дури об мрамор – больно...

Честно говоря, Ганц был твердо уверен, что никто никуда не поедет. Но... Оно ему надо?

Ему надо было просто заговорить зубы Ивельенам. И чтобы его оставили на ночь вместе с его людьми.

Так и произошло.

Уговаривали его где-то еще час, Ганц страдал, рвался к графине, умолял и уговаривал. В итоге ему пообещали поехать утром. И на том разошлись спать.

И открыли поле деятельности для вирман.

Легко ли открыть ворота для большого отряда?

Смотря кому.

Если Вы – хрупкая и нежная графиня, то вряд ли. А вот если пятеро профессиональных вояк?

Лейф огляделся по сторонам. Сопровождающих Ганца

разместили в конюшне. Ну, хорошо хоть не в свинарнике, хотя они и оттуда бы выбрались.

Все вояки вздыхали, вытирали скупую мужскую слезу и расписывали, как страдает графиня. Покушались на нее, покушались... ну и достали. Она вот теперь умирает и просит привезти родных хоть проститься. И выглядели при этом неподдельно расстроенными.

Хотя слушать их особо было некому. Разве что конюхам. Но они жаловались прилежно.

Лейф дождался, пока в большом доме погаснут все огни – и махнул своим людям.

– Пора...

В следующий миг все конюхи были повергнуты в глубокий и здоровый сон. Кулаком по черепу – разве не здорово? Особенно, если это крупный вирманский кулак, по размерам напоминающий небольшую тыкву. Даже лошади не взволновались. Покойников-то не было, крови, криков... ничего. Просто бодрствовали пятеро вирман и четверо конюхов. А теперь только пятеро вирман.

Ничего, и конюхи оклемаются. Никуда не денутся...

Скользнуть неслышными волчьими тенями во двор, оглядеться – и тихо снять караульных – тоже проблемы не составляет. Или вы думаете, что вирмане – это толпа, которая с воплем «Ааааааааа!!!!!» налетает на частокол и начинает рубить его топорами со всей дури?

Да ни разу.

Уж что-что, а подкрасться, проскользнуть, а где надо и нашпионить – это команда Лейфа умела. И на Вирме такие навыки были полезны, и на континенте... Эрик справился бы лучше, но он как раз был в море.

Четверо часовых были сняты в мгновение ока. Двое – бескровно. Еще двое, так как стояли дальше – метательными ножами.

Только пара тихих хрипов – и все стихло.

Два человека скользнули к казарме, где мирно спали солдаты Ивельенов. Убивать?

Будить?

Драться?

Вот еще не хватало. Нет, все должно быть тихо и мирно. А потому....

Когда Лиля поняла, с чем имеет дело, она долго ругалась. А потом призадумалась.

Дурман, мальдонаино семя, еще что-то... секрет хранился на Вирме, как драгоценность. Нет, здорового человека так не усыпишь, а вот спящего... нечто вроде снотворного газа. Дышишь – и глубоко засыпаешь. Пушкой потом не разбудишь. Вот ощущения – фу!

Сонливость, дурнота, кошмары... так к чему штурмовать? Пару глиняных курильниц внутрь (благо, конструкцию чуть ли не в палеолите изобрели), поджечь – и пусть нюхают. Впечатления и так будут обеспечены. Тем более, что казарма в поместье Ивельенов (Лейф поинтересовался) была

в лучших традициях: деревянный сруб, проконопаченный, с тяжелой крышей и маленькими окошками высоко наверху, под крышей. Для вентиляции и дыхания хватит. А вот если с мальдонаиным семенем... Потерпи немного – и иди на дело. Защитников и пушкой не разбудишь.

Трое скользнули к воротам. Не обязательно открывать центральные и начинать вопить «на штурм!!!» К чему?

Хватит просто открыть калиточку, а отряд ножками пройдет, тут сильно гордых нету...

Двадцать человек на такой домик – за глаза.

Нет, будь это родовой замок Ивельенов, на их землях, с их людьми... Это же было просто столичное поместье. Чтобы семья останавливалась в нем во время приезда перед королевские очи. Но, опять-таки, к чему городить в пригороде замок?

Если на тебя король ополчился – тебя уже ничто не спасет, хоть ты гору накопай! А если кто-то другой – им тоже так от короля достанется... Нет, ну смуты, мятежи и прочее надо принимать в расчет, но тут как с лавиной: не увернешься – сам и виноват.

Поэтому – просто большой дом. Два крыла, балкон... местоположение старших Ивельенов определили по воплям детей. Младших еще придется поискать. Но, по обычаю, они будут в другом крыле...

Тени скользнули во двор и принялись рассредоточиваться, согласно утвержденному плану.

И в дом, где на крыльце уже стоит Ганц Тримейн.

Двое к Лорану Ивельену, двое к Питеру, один к Амалии, еще двое к детям... Ганц не собирался оставлять никого. Связать и увезти всех.

Если это заговор – надо быть втройне осторожными.

Увезти весь молодняк на допрос, включая близнецов. Ничего, найдут им в Стоунбаге кормилицу, авось, с голоду не помрут. А сам Ганц...

А он перемолвится парой слов с Ивельеном-старшим. Этаким блиц-допрос.

Все прошло без сучка, без задоринки. Ивельенов вытащили фактически из постели – много ты в одной ночной рубашке навоюешь... Но Питера все равно профилактически приложили кулаком по затылку, а руки связали всем, включая и больную девочку.

Жестоко?

А ножом в горло от таких нежных-трепетных созданий не получали?

Вот у Ганца друг получил. Одного урока за глаза хватило.

Слуги сидели у себя по комнатам, как мышки. Дверь людской кто-то из вирман предусмотрительно подпер массивным столом, на который взгромоздили еще один – не сдвинешь. Только дворецкий попытался высунуться, получил по голове – и тихо отдыхал в углу, не возмущаясь более производом.

Ганц достал кинжал и подошел к Лорану Ивельену.

– Где бумаги?

– Вы хоть понимаете, что творите? – прошипел аристократ. – Я вас...

Дальше слушать стало неинтересно. Таких угроз в своей жизни Ганц получал – прорву. Присылали б на пергаменте – лавку бы открыл и торговал. Поэтому кивок Лейфу, кляп – и блеснул кинжал. Ухо вельможного аристократа, одного из знатнейших герцогов королевства, отделилось от черепа.

Хлынула кровь. Лоран весь выгнулся от боли.

Ганц подождал, пока он чуть придет в себя – и покачал ухом перед его глазами.

– Ивельен, к этому сейчас добавится второе. А потом пойдем вниз. Пальцы на руках обстригу, да и на ногах... и не только на ногах. Кое-что вообще отрезать буду в три приема. Ты что – не понял? Крести козыри, – последнее выражение было подцеплено у Лилиан Иртон. – Мы все знаем. А начнешь упрячиться – прикажу убить твоих внуков. У тебя на глазах резать буду, медленно...

Ивельен попытался изобразить гримасу гордости, но получилось плохо. Ганц протянул руку к колыбельке.

– Настоящих внуков, не этих приبلудышей. Ты что думаешь, нам неизвестно – чьи они дети?

Вот теперь – пробрало по–настоящему.

Амалия побледнела так, что черные волосы, казалось, отделились от черепа и парят над ним. Питер пока еще плохо воспринимал окружающее – кулак оказался большим и ка-

чественным. А Лоран выглядел... краше в гроб кладут.

– Я сейчас выну кляп. Заорешь – пеняй на себя. Ты учти: это дело о безопасности Короны, то есть у меня все права.

И золотую бляху под нос.

– Захочу – сейчас вас всех повешу, и поместье подожду к Мальдонае.

Не захотели. Лоран кое-как облизнул губы. Взгляд стал... задумчивым, но Ганц опередил.

– Вот только давай без пошлостей. Деньги не предлагай. Торговаться можем за быструю смерть – или медленную и мучительную. Или ты думаешь, я у вас на глазах постесняюсь младенцев каленым железом прижигать, пока не подохнут?

Ганц был страшен в этот момент. Перешагнувший что-то в себе, поднявшийся над герцогами... и Ивельен сломался.

Не сразу, конечно.

После второго уха и трех пальцев.

И в итоге у Ганца оказались на руках письма, расписки, договоры... и самое главное.

Свидетельство о браке.

Амалия Иртон и Эдмон Ативернский, которые сочетались браком ровно семнадцать лет назад. Все честь по чести, патер, печать... И рядом рассказ того же патера, собственно-ручно написанный, как он сочетал браком, как давал имена детям... все с разрешения и согласия как Эдмона, так и Питера.

Ганц вздохнул.

Она была права. До последней минуты права, эта безумная графиня. Как она это угадала? Альдонай ее знает. Хотя малышка действительно копия Имоджин.

Единственное, что беспокоило Ганца...

Лилиан – умница, но только там, где касается дел. А вот с людьми... увы. Чего-то она просто не понимает. А ведь она осталась с королем. Во дворце...

И еще заверяла Ганца, что ничего страшного с ней не случится, у нее все предусмотрено...

Простите – не верилось.

А с другой стороны – вдруг это и правда так?

Нет, все равно не верилось...

Так что Ганц сорвал всех ночной дорогой в Стоунбаг. Ивельенов просто погрузили на лошадей, как вьюки – и так повезли. Исключение сделали для Амалии и детей, но так и за ними зорко следили. Удрать не представлялось возможным.

В Стоунбаг они доехали только к рассвету.

Эдоард поморщился и потер грудь.

Болело.

Сильно, тупо и приступами. Накатит – отпустит. Накатит – отпустит. Но уснуть не удавалось.

Как же он проглядел, как мог не заметить?!

Как?!

Родная дочь... ладно, она считает его дядей, но ведь все равно – семья?!

Как можно поднимать руку на родных?

Чего ей не хватало?

Денег?

Власти?

Или – просто месть за Эдмона?!

При мысли о сыне боль только усилилась. Эх-х...

Первенец, родной ребенок – и такое...

Инцест, даже подумать страшно. И что самое печальное – вина за это во многом лежит и на Эдоарде. Проглядел, прохлопал ушами... и не обвинишь тут никого иного. Кого?

Джесси?

Если кто не знает, королева – это тоже каторжный труд. Детей-то венценосные супруги – и то видят раз в квартал.

Джайс?

Что смог – то сделал. Но какой из него поверенный девичьих секретов? Да и на Эдмона он никакого влияния не имел. Джес вот вроде бы без левых браков.... Ему бы с этим разобраться...

При мысли о Лилиан Иртон его величество нахмурил брови.

Интересно, знает ли она о заговоре?

Вряд ли. Ганц не дурак и многое женщине не расскажет, даже такой. Умной, серьезной... нет, не расскажет. То, что обо всем догадалась именно Лилиан – королю не приходило

в голову.

Вот что теперь делать с Ганцем... а и надо ли делать?

Предателей много. А вот людей, на которых можно положиться – единицы. Не собирался король списывать Ганца. Еще не хватало... Умный мужик, на своем месте... много еще пользы принесет. Не ему, так Ричарду. И идеи у него правильные. Нет уж. Таких убивать нельзя.

Грудь заныла еще сильнее. Чуть слышно скрипнула дверь.

Старый камердинер неслышно обошел королевскую спальню. Снял нагар со свечей – и увидел, что король не спит.

– Ваше величество? Извольте чего?

Эдоард подумал.

– Потихоньку пройди к Алисии Иртон. И если она не спит – пригласи. Но только тихо. Чтобы не видели и не слышали.

– Сейчас исполню, Ваше величество...

Верный слуга исчез за дверью. А король потер большое место.

Лучше уж поговорить, чем лежать и думать. Так к утру разум утратишь...

Когда в дверь поскреблись, его величество уже был в халате и сидел в кресле.

– Войди...

Алисия Иртон смотрела на короля с участием.

– Разрешите, Ваше величество...

– Уже разрешил. Проходи. Садись... Тайр, принеси нам вина, что ли? И чего-нибудь перекусить.

– Может быть, позвать Лилиан Иртон?

– Она у вас, графиня?

– У меня. Приехала вечером, с лэйром Ганцем.

Камердинер вышел.

– Из-за заговора?

– Да, Ваше величество. Ганц забрал всех солдат. И решил не оставлять графиню в неохраняемом поместье.

Эдоард подумал, что Алисия – одна из немногих, кто видел в нем не только короля, но еще и человека. А вот Лилиан Иртон... она похоже, не видела в нем короля. Только человека, но не правителя, который может снести ей голову в любой миг.

– А Миранда?

– У Августа Брокленда.

– Отлично. А графиня...

– Спит. Сказала, что хоть здесь отоспится.

Эдоард хмыкнул.

– А дома?

– А дома у нее то ребенок, то работа... странно так звучит.

– Чем странно? – не то чтобы Эдоарду было интересно, но хоть чем отвлечься.

– Она и о ребенке, и о работе говорит с одинаковой гор-

достью. Ваше величество.... Что теперь будет с Амалией?

Эдоард вздохнул.

– Сначала допрос.

– А потом? Казнь?

– Если все подтвердится, ее будущее будет зависеть от ее лояльности. Сами понимаете, графиня...

– Понимаю. Или казнь – или монастырь.

– Последнее – с пожизненной охраной.

– А дети? Сэсси, Джес... они ни в чем не виноваты!

– Правильно. И именно поэтому – монастырь. Без вариантов. Ты сама понимаешь, заговор, инцест...

– Это будет обнародовано?

– Нет! – рявкнул Эдоард. Боль хищно рванула сердце. – Никаких обнародований и прочей чуши. Не было у Эдмона ни жены, ни детей. А если кто решит иначе – с палачом познакомлю!

Алисия кивнула.

– А Лилиан знает о моих детях?

– О заговоре она знает. А о детях – нет. – Алисия не была уверена на сто процентов. Но и выдавать женщину не собиралась.

Знает или нет – какая разница? Она достаточно умна, чтобы молчать. И промолчит. Если что – она же первая пострадает. Ни к чему королю такие подозрения...

– Уверены?

Алисия встретила королевский взгляд, не дрогнув. Нет

уж.

– Истинно уверенным может быть лишь Альдонай. Я же только слабая женщина...

Эдоард усмехнулся. А Алисия подумала, что, может быть, Лилиан – единственная, кто пытался дать ей хоть крохи тепла. Детей – Амалию и Джеса – ревновала Джессимин, да и занималась ими – тоже она.

Внуков ей тоже не дали даже видеть почаще. А Лиля просто приняла ее. И Миранда... Алисия впервые ощутила себя – частью семьи. А есть ведь еще и Август Брокленд... ну уж нет!

За свое она будет бороться!

Даже с королем!

Разговор тек внешне спокойно, но оба собеседника сидели как на иголках. И не удивились, когда в спальню поскребся камердинер.

– Ваше величество, тут секретарь...

– Впусти.

Секретарь был бледен и встрепан. Еще бы.

Он-то в заговоре замешан не был, зато попадал в кандидаты на уничтожение. Запросто. Из-за близости к королю.

Осознавая это, мужчина был слегка на нервах и мечтал о провале заговора.

– Ваше величество, Ганц Тримейн прислал голубя. Они в Стоунбаге. Все тихо и спокойно.

Эдоард вздохнул.

Узников из Стоунбага выпускать было нельзя. Но допросить их... его величество хотел это сделать лично. А потому...

– Прикажи заложить карету. Я поеду туда. Малый эскорт.

Секретарь поклонился и исчез за дверью. Алисия посмотрела на короля и решила не задавать глупых вопросов, типа – надо ли, зачем, а может быть.... Она была умна. А потому раскланялась и вышла.

Эдоард вздохнул, обвел взглядом покои и позвал камердинера.

– Одеваться. Срочно!

Стоунбаг.

Серая каменная башня-шпиль.

Говорят, ее построил один из первых королей со вполне определенной целью. Заточить свою жену, которая ему изменила. Но поскольку на мелочи мужик не разменивался – отгрохал целую башню, а потом понял, что жене жирно будет. Надо бы использовать по назначению – и расширять поле деятельности.

Так там появились первые постояльцы. Разумеется, знатные.

Не посадишь же герцога в одну каталажку с ворьем, нищими, проститутками, убийцами... его ж там удавят! А тут

– отдельные камеры, отличный повар, ласковый комендант и лучшие палачи. Глухонемые.

Но тут важны не уши, а квалификация, не так ли?

И троих старших Ивельенов с порога отправили к ним в руки. Если с Амалией палачи еще осторожничают – все ж знатная дама, то с остальными Ганц приказал не церемониться. А как колоть несговорчивых – физическую сторону знали палачи, моральную – приставленные к ним специальные писцы. И работа пошла.

Ганц отправил Эдоарду голубя и принялся проглядывать бумаги. Надо ж определить, кого казнить, кого помиловать...

Комендант Стоунбага, кровно кое-чем обязанный Ганцу (было дело, и очень неприятное, когда того подставили с убийством богатого родственника) уступил королевскому представителю свой кабинет. И поинтересовался только – не нужно ли чего?

Ганц попросил вина с водой – слабо-слабо разведенного, чтобы для бодрости, или травок каких заварить и принялся за работу.

Пергаменты раскладывались в аккуратные кучки.

Договоры, обязательства, долговые расписки, письма... и все четче выкристаллизовывалась структура заговора. И торчали оттуда уши Авестера.... Уроды! Нет, ну что им не живется? Обязательно надо соседям нагадить... правильно Рик на их крыске не женился!

Приезд короля прошел для Ганца незамеченным. Он настолько закопался в бумагах, что соизволил оторвать голову, только когда король вошел в кабинет. И тут же вскочил.

– Ваше величество...

Эдоард милостиво кивнул. Боль усиливалась, но пока – не до нее. Потом он позовет докторусов или этого хангана, почему нет?

Все потом...

– Что у тебя тут? Рассказывай.

Ганц вздохнул.

– Вот тут письма: что, как, к кому... в принципе, мы все просчитали верно, Ваше величество.

– Авестер?

– Увы...

– А.... Амалия?

Ганц вздохнул вторично. Понурился. И вытащил из-за пазухи бумаги, которые не доверил никому. И которые даже не стал класть в общую кучку.

– Посмотрите, Ваше величество.

Эдоард протянул руку – и Ганц обратил внимание, что королевские пальцы чуть подрагивают. М-да... никому такого не пожелаешь. Чтобы родная дочь... вообще эта история нравилась Ганцу все меньше и меньше. Инцест, убийство, заговор, отцеубийство, одним словом – радости мало.

И все – на таком уровне, что голову бы сохранить.

Эдоард быстро проглядывал пергаменты.

– Этот патер еще жив?

– Жив, – Ганц это знал точно. Пастер Воплер последнее время пользовался популярностью, и к нему стекалась куча церковного народа. В том числе и этот... редкая дрянь, поэтому и запомнился.

– Его тоже в Стоунбаг.

– Уже распорядился, Ваше величество.

Эдоард посмотрел поверх пергамента

– Вы раньше знали, что тут написано?

– Догадывался, – честно признался Ганц.

– Они здесь?

– Да, Ваше величество... какие будут приказания?

– Какие тут приказания? Допросить, вытряхнуть все – и казнить.

– Э....

– Ивельенов обоих. Амалию... мне надо с ней поговорить.

– А дети?

– Смотря что они знают. Если ничего о своем происхождении – пусть живут, но в монастырях и под присмотром.

– А близнецы?

– Кто-то же должен стать следующими герцогами. Хотя я еще подумаю...

Ганц кивнул. Эдоард машинально потер грудь.

– Проводи меня к Амалии...

Женщина сидела на грубой соломенной подстилке. Но допросная была достаточно чистая. Платье порвано, есть синяки, но следов изнасилования или серьезных пыток пока не видно.

Эдоард распахнул дверь и вошел, Ганц, не спрашивая, вошел вслед за королем, отослал палачей и писца. И когда его величество сверкнул на него глазами – не шелохнулся.

– Ваше величество, если ее прикуют – я выйду. А так... я ведь и так все знаю.

Эдоард махнул рукой. Проклятая боль... да пропади оно пропадом... это лицо.

Амалия... почти копия Джесси. Но там, где у Джессимин была мягкость и нежность – его черты. Его дочь...

– Почему? За что? Чем я провинился перед тобой?

Амалия выпрямилась. Сверкнули глаза. Она не собиралась бросаться на короля. Но держалась гордо.

– За Эдмона. Вы убили его!

– Не я.

– Мой отец ничего не делал без королевского приказа. Я знаю!

– Я не отдавал ему такого приказа. Клянусь.

Женщина отступила на шаг. Опустила глаза. Поверила.

– Я любила его. Мы были женаты. А Вы... Вы никогда бы не разрешили...

– Вы даже не спрашивали... почему?

Амалия вздохнула.

Почему?

И перед взором поплыли картины прошлого.

Вот она, совсем маленькая девочка, приглашена во дворец. Королева – еще Имоджин – бросает что-то резкое. И Амалия убегает плакать в коридор.

– Ты чего реवेशь?

Рядом стоит серьезный сероглазый мальчик.

– Не твое дело, – огрызается Амалия. Но Эдмон, а это был именно он, не уходит.

– Не плачь. Хочешь конфету?

Амалия робко кивает, и ей в ладонь ложится большой полосатый леденец. И серые глаза впервые встречаются с синими.

– Спасибо...

Вот ей двенадцать лет. Теперь королева уже Джессимин. И Амалию часто приглашают во дворец... Как – часто? Сейчас просто так... она удрала ото всех и ходит, разглядывая залы, коридоры.

– Ты что тут делаешь?

Опять сероглазый мальчик.

– Гуляю. А что, нельзя?

– Тебе – нельзя.

– Это еще почему?

– Потому что ты – Иртон.

– И что? Зато я красивая!

– Кто тебе сказал такую глупость?

– Папа. И мама. – Алисия вообще-то не говорила, но ведь и соврать можно? Правильно? – Разве я некрасивая?

– Ты – Иртон?

– Я – Амалия Иртон. А что?

– Ненавижу вас всех! – бросает мальчик. И уходит. А Амалия остается с чувством потери чего-то важного.

Вот ей пятнадцать лет. Сейчас она одна из девочек, подающих ноты, нитки, разные мелочи королеве и может часто бывать при дворе. Тем более что ее мать, Алисия, приближена к королеве.

Эдмон проходит по коридору мимо нее. Амалия тоже его не «замечает», хотя паренек с карими глазами, следующий за принцем, смотрит восхищенно. Но тоже молчит.

Это происходит совершенно случайно. Амалия поскользывается – и падает. Она ничего не планировала, не кокетничала... она просто поскользнулась.... Кто-то неудачно бросил огрызок.

Девочка падает, коротко вскрикнув. И Эдмон возвращается.

– Что с тобой?

Амалия упала очень неудачно. Плашмя, так что «дух вышибло». И Эдмону приходится ею заниматься. Поить вином, тереть грудь, чтобы она смогла вдохнуть...

Она постепенно приходит в себя. Но прежней неприязни уже не получается. Эдмон тщательно скрывает свои чувства,

но общается с Амалией без негодования.

Очень медленно, шаг за шагом, они приближаются друг к другу. В объятия первой юношеской любви.

И все время рядом с ними лучший друг Эдмона.

Питер Ивельен.

Вечный третий, верный друг и товарищ Эдмона, хороший и надежный парень. И тоже с восхищением смотрит на си-неглазку...

А спустя пару месяцев...

– Твоя шлюха...!

– Вон!

Эдмон выходит из кабинета короля. И идет куда-то... Амалия и сама не поняла, зачем бросается за ним. И обнаруживает парня в саду.

Юноша сидит в затянутой плющом беседке. Голова опущена, руки свисают между колен... плечи чуть вздрагивают...

Амалия медленно подходит, опускается рядом на колени...

– Эдмон?

– Убирайся! Ты такая же, как и твоя тетка! Шлюхи! Дряни!!!

На щеках парня блестят две светлые полосы от слез. И Амалия не выдерживает. Подается вперед, обнимает юношу...

– Не плачь. Я люблю тебя...

Эдмон сверкает глазами, но сказать ничего не успевает. Его весьма неловко и неумело целуют – и не остается ничего другого. Только ответить на поцелуй.

И начинается другая жизнь.

На людях двое прячут свои чувства. Рядом всегда крутится Питер Ивельен, и отец поговаривает, что надо бы заключить помолвку... молодец, дочка, не зря ко двору вывозим!

А Амалии все равно.

Ей нет ни до кого дела, у нее есть Эдмон.

Сияние серых глаз, тусклое золото волос, нежная улыбка...

– Я думал, что буду всегда ненавидеть Иртонов...

– У меня всегда есть возможность перестать быть Иртон.

– Я бы женился на тебе, но сейчас не могу пойти против воли отца. Ты подождешь?

– Я подожду.

– Хотя нет! Мы поженимся! Я не могу тебя потерять.

– И я тебя. Лучше умереть сразу.

Их венчает патер в заброшенном храме. Молодой, честолюбивый, он отлично понимает, что Эдмон станет следующим королем... зачем же упускать случай? Альдоны всегда опираются на королей.

Они счастливы.

А потом...

Эдмон забывается и при всех называет Джессимин – дев-

кой.

Когда ненависти много – она выплескивается наружу, из всех щелей... ее не удержать. Но в этот раз Эдоард гневается всерьез.

– На год! На границу!

Потом он успокоится и вернет сына, потом... а пока любимый муж уезжает. Они пока не могут объявить о своей любви.

Брак против воли короля?

Это не игрушки.

Могут заточить в Ройхи или Стоунбаг, могут выслать из страны, отправить в монастырь, казнить... яды и кинжалы тоже никто не отменял... Амалия молчит.

Чтобы упасть в обморок спустя пару недель.

Старая кормилица приводит ее в чувство. И госпожу начинает рвать.

– Ты в тягости, – произносит старуха спокойно. Амалия скидывается – и понимает: это правда...

– У меня будет ребенок от любимого?

– У незамужней девицы...

– Я замужем!

– Ну-ну...

Хвала Альдонаю, в столице остается Питер Ивельен. К нему и бросается Амалия, чтобы услышать от юноши:

– Дело плохо. Нам надо пожениться.

Амалия едва не падает в обморок.

– Питер, я уже замужем.

– Тайно. Лия, если все откроется, что будет с тобой? С Эдмоном?

– Не знаю.

– Мы просто объявим о своей свадьбе. Я влюбился, ты не смогла мне отказать, мы сбежали и поженились.

– А твой отец?

– У меня есть знакомый... он может подделать что угодно. И документы о нашем браке тоже.

– Нет, я попробую поговорить с королем. Если не получится – тогда...

– Я буду ждать тебя. Лия, я понимаю, что ты любишь Эдмона. Я тоже люблю его, он мой лучший друг, почти брат... И я ни на что не претендую. Я просто хочу быть рядом.

Лия опускает голову.

– Я все же попробую...

– Я буду ждать. И всегда помогу тебе...

Амалия и правда пыталась поговорить с королем. Но... плохую роль сыграла привычка подслушивать и подсматривать. В тот вечер Эдоард напился с Джайсом и высказался в том духе, что Эдмон его уже достал до самых печенок. Ей-ей, с таким наследничком дешевле нанять для него убийц – и сделать трех новых. Проспавшись, он об этом разговоре и

не вспомнил. Тоже мне... ну, пожаловался человек другу на судьбу, так мы все на детей жалуемся.... Но что-то не торопимся их убивать.

Козе понятно, он бы так не поступил, но то – коза. Животное умное и интеллектуальное.

А это – сопливая девица в токсикозе, у которой гормоны устроили парад, а мозгов на месте не оказалось. То еще сокровище.

Результат предсказуем?

Более чем.

Амалия в полном шоке отправилась к Питеру, дала согласие на «тайное венчание» – и через сутки перебралась в поместье к супругу.

Лоран Ивельен, пока еще ни о чем не зная, отправил «поганцев» в поместье, подальше от скандала. А поганцам того и надо было.

Из поместья они и Эдмону отписали.

Принц приехал, услышал рассказ Амалии – к тому времени уже изрядно расцвеченный подробностями – и кивнул. Мол, все правильно. Питер, друг, спасибо тебе за жену... но раз пошла такая пьянка, я ее признать не смогу. Пока...

Нет, документы-то все будут по правилам, а Амалия поживет пока под личиной маркизы Ивельен. Пока я чего получше не придумаю, хорошо?

Питер согласился, а что ему еще оставалось?

Идиллия продолжалась несколько лет. Эдмон крутился,

как уж на сковородке, избавляясь от помолвок, но когда вопрос встал ребром – махнул рукой.

Джесси к тому времени уже умерла, у отца с сыном получалось разговаривать, не сбиваясь на безобразную ссору... да и лучше начинаешь понимать родителей, оказавшись в той же ситуации. Намного лучше.

Эдмон решил поговорить для начала с Джэйсом Иртоном. Почему нет? А если уж он воспримет нормально, тогда...

Результат известен?

Более чем.

Джэйс действительно был в ужасе. А хорошо вы соображаете, когда отключаются все мозги? Вот и результат. Два трупа в башне.

Амалия была...

Амалии уже не было. Она умерла вместе с Эдмоном. И единственным ее желанием стало – отомстить! А еще...

Джес, ее мальчик. Он заслуживает трона отца. Даже не так.

Джес должен стать королем.

Потому она и берегла ребенка, потому он и рос, как яйцо в золотой шкатулке, потому и... дети вообще-то видят такое отношение. И мигом распоясываются до свинства.

Что и произошло.

Эдоард слушал эти откровения с каменным лицом. И думал, что... каким же он был слепым дураком.

– Когда обо всем узнал Лоран Ивельен?

– После рождения третьего ребенка. Она же копия Имоджин.

Эдоард подумал, что Ганц был прав. В груди жгло.

– Ясно. Дети знают?

И понял по проблеску в синих глазах: да. Знают. Обо всем. И о своем происхождении, и о своих правах... пол опасно пошатнулся, но Эдоард нечеловеческим усилием взял себя в руки, развернулся и вышел.

Разговаривать?

О чем?

Да, это его дочь. И в то же время... она безумна. Это видно в каждом движении, каждом жесте, каждом...

Это уже не человек, но опасная ядовитая гадина. И выход тут только один.

Ганц встретил короля встревоженным взглядом.

– Ваше величество?

– Ганц, ордер у тебя. Ивельенов – выпотрошить и казнить. Без боли.

– Всех?

– Можешь оставить в живых близнецов. Они еще слишком малы.

– А...

– Я же сказал – всех. Лорана, Питера, Амалию, троих старших детей. Что неясного? – рывк пробуждает боль в груди.

– Ваша воля закон, Ваше величество.

– И чтобы ни звука за пределы Стоунбага не уплыло, ты

понял?

Ганц молча поклонился. Подошел к камину, зачем-то разожженному летом, достал из-за пазухи бумаги, свидетельствующие о браке Амалии Иртон с Эдмоном Ативернским. И только пламя чуть жарче полыхнуло.

Эдоард одобрил это кивком.

– Заговор раздавить. Ты сможешь, полномочия у тебя есть, а ко мне вечером с докладом. Тех, кто в столице, начинай брать без шума и пыли. Тех, кто вне столицы... разберемся.

Ганц поклонился.

– Слушаюсь, Ваше величество.

Эдоард кивнул еще раз и отправился к выходу.

Больно?

Ничего, ему еще надо дойти до кареты. И домой.

Его гнал инстинкт зверя. Каждое больное, раненое животное стремится спрятаться в своей норе. И короли тут не исключение.

Лиля случайно задержалась во дворце. Ее атаквали принцессы. Девочкам было скучно, и Лиля оказалась подходящим средством эту скуку развеять. Алисия посмотрела на эту идиллию – как Лиля рассказывает ее подопечным о путях водяной капли в природе – и отправилась к королевским

покоюм. Если король уехал в карете, то на обратном пути он прикажет остановиться у Розового подъезда. Оттуда ближе всего и удобнее всего добираться обратно.

Для старой жительницы дворца встретиться с человеком несложно. Алисия дождалась короля – и ахнула.

Выглядел Эдоард так, что краше в гроб кладут.

Алисию заметил, кивнул ей, мол, иди за мной – и прошел в свои покои, не откликаясь ни на чьи поклоны.

А у себя в спальне рухнул на кровать как подкошенный.

– Что-то мне нехорошо. Алисия, кликни докторусов.

Алисия закивала. И бросилась бежать... не к придворному докторусу, коего почитала как болвана и шарлатана. А к Лилиан Иртон.

– Лиля, милая...

– Что случилось? – вскинулась Анжелина.

Алисия сделала реверанс.

– Король срочно вызывает графиню Иртон.

Лиля кивнула, раскланялась с принцессами и вышла. Но – далеко не ушла. Алисия схватила ее за руку.

– Лиля, вызови Тахира! Королю плохо...

– Что с ним?

– Не знаю... жалуется...

Лиля схватилась за сумочку. Да-да, она вводила их в моду, и сегодня все было при ней. Платок, кошелек, еще кое-что... и самое главное – мини-аптечка, без которой ее сиятельство и из дома не выходила. Несколько порошков в пакетиках.

– Алисия, я пошлю за Тахиром, дай только пару слов ему черкануть. А еще мне надо осмотреть короля.

– Ты с ума сошла?

– Алисия, не спорь со мной. К нему можно пройти? Веди!
И такой командный тон звучал в голосе графини, что Алисия повиновалась.

А вдруг и правда поможет?

Камердинер, ломавший руки у королевской спальни, и слова не сказал против. Приказал король пропускать графиню Иртон, он и будет пропускать. И держать оборону от придворных. Король занят государственными делами. И никак иначе.

Лилиан Иртон?

Ее бы не пропустили. Но... графиня была допущена ко двору, графиня дружила с ханганским лекарем, графиня могла помочь. А придворные докторусы... давно известно – высокие посты занимают далеко не самые знающие. Скорее – самые пробивные.

Да и можно ли допускать к королю людей, которые его сильно не любят за указы о гильдиях?

Лучше уж Лилиан Иртон. Слухи-то о ней ходят хорошие...

Ровно через десять минут Лиля опустилась на колени пе-

ред Эдоардом. Его величество открыл глаза.

– Вы?

– Ваше величество, молчите, – приказала Лиля. – Вам сейчас вредно говорить. Дайте пульс послушать.

Больше всего Лиля боялась инфаркта или инсульта. Чай, не мальчик. Хряпнет по сердцу – и привет семье. А что тогда начнется в стране?

Сказала бы она это слово, да пульс считает.

Но пульс порадовал.

Сто десять.

Это, простите, не инфаркт. Не-ет, там хуже было бы. А такой и у нее бывал перед экзаменами.

Это – нервы. А вот что болит?

Выясним. Главное, чтобы пациент в процессе не померши.

Работайте, графиня. Растегнуть чертовы крючки камзола, развязать все завязочки, осторожно раздеть больного – и заниматься делом.

Вы – справитесь. Определенно.

Эдоард сначала пытался сопротивляться, но...

Когда нам плохо – разве мы разбираем, кто есть кто? Эдоарду было плохо и душевно и физически – и он приоткрылся. А Лиля... сейчас она, прежде всего, была врачом, который видел перед собой больного человека. И вела она себя соответственно.

Король? Крестьянин? Вирманин?

На горшке и операционном столе – все вы одинаковы!

И Эдоард доверился графине Иртон. Тем более она была абсолютно уверена в себе и действовала, как опытный врач.

Страшно тебе? Тошно?

А пациенту страшнее. А потому...

Лиля уверенно проводила пальпацию, перкуссию – и все чаще вздыхала с облегчением. И расспрашивала короля.

– Нет, не говорите. Если согласны – опустите веки. Если нет – не опускайте. Говорить вам пока будет больно.

Вот с этим король был полностью согласен.

– Больно вот здесь и здесь. И боль меняется при вздохе, движении, при надавливании, она не постоянная, не статичная....

Эдоард моргал. И чувствовал, как становится спокойнее.

Это ведь не смерть? Ему сейчас никак нельзя умирать.

Да и Лиля становилась спокойнее. Когда будет время – она сделает тонометр, пусть даже примитивный. Рива-Роччи, например.⁵ Она справится. История медицины у них была хорошо представлена. И сама она интересовалась когда-то.

А вообще, больше всего симптомы были похожи на межреберную невралгию. А это – лечится.

⁵ **Шипионе Рива-Роччи** (1863–1937) – итальянский патолог, терапевт и педиатр. Окончил медицинский факультет Туринского университета в 1888 г. С 1894 года доцент кафедры патологии. С 1900 года был главврачом больницы в г. Варезе. В 1896 г. разработал метод неинвазивного измерения артериального давления. Современные сфигмоманометры (тонометры) иногда называют в честь Рива-Роччи.

Хотя тоже болячка не лучшая. Прямой опасности не несет, зато несет косвенную. Легко спутать с инфарктом, да и поди, выдержи столько боли... неприятно. Более чем неприятно.

Лиля расспрашивала и все яснее понимала, что – да. Это оно.

Простуда была? Была, и раньше спину ломило, сквозняки есть, а бани-то тут нет, с прогреваниями швах...

Все становилось ясно.

Да и лечение... это она сможет, у нее есть и мази, и обезболивающее... есть все необходимое.

Так что король был осмотрен, напоен лекарством, разведенным в горячем вине, укутан одеялом, а сама Лиля осталась сиделкой у его постели. Нет уж. Этого пациента она никому не доверит.

Эдоард, услышав о том, что дней через десять он встанет на ноги, а потом и бегать будет, вздохнул с облегчением. И тут же получил горькую пилюлю: только при полном покое в начале лечения. Нравится, не нравится – за чудесами к Альдонаю, а на земле их никто творить покамест не выучился.

Ругаться король не стал. Просто вызвал секретаря – и приказал на ближайшие пять дней отменить все приемы, а документы приносить к нему в спальню, о чем тут же был отдан приказ камердинеру.

Старик, кстати, смотрел на Лилян с уважением, когда понял, что это не просто очередная титулованная баба, а почти

лекарь – и знает, что делает.

Сам король собирался принимать придворных в спальне. В небольшом количестве, чтобы видели, что король просто приболеть изволил, но скоро выздоровеет – и еще всем головы поотрывает.

Тут Лиля не возражала. При единственном условии – с обезболивающим, и желательно, чтобы она далеко не уходила.

Король тоже не возражал. Алисия смотрела на все это – и все чаще на нее накатывали сомнения и даже ужас. Так – не могла себя вести домашняя девушка. Даже если она училась у известного докторуса, но так – не могла.

Это было неправильно, не так, не то...

Что-то было в Лилиан такое, непонятное, странное, разумное... хотя не враждебное, спасибо и на том. И Алисия боялась. Но другой надежды не было.

Если Эдоард умрет сейчас, пока Рик в пути, при раскрытом заговоре... не-ет, король должен быть на троне, иначе вспыхнет бунт. А кто сможет его предотвратить?

Альдоной, помилуй...

Лиля думала примерно о том же.

Она попросила у Алисии какой-нибудь свиток из дворцовой библиотеки – и сидела у постели короля.

Приехал Тахир, и был радостно встречен. Лиля реквизировала у него несколько мазей и пару обезболивающих – и кивнула.

– Сойдет.

– Ваше величество, – поскребся в дверь камердинер. – Разрешите?

Эдоард кивнул.

– Ваше величество, тут докторус...

Эдоард посмотрел на Лилю.

– Хотите – послушайте. – Лиля усмехнулась. – Только на кровопускания и клизмы не соглашайтесь. При вашей болезни от них больше вреда, чем пользы. Да и вообще – кому это серьезно помогало?

Эдоард пожал плечами, но камердинеру дал знак – впустить. И в спальню короля влетел... попугай?

Это было нечто такое... зеленая туника расшита диким количеством камней, нежно-голубые штаны отделаны чем-то вроде лент, на шее большой розовый бант... плюс еще волосы, засыпанные мукой и увенчанные чем-то вроде большого желтого банта... жуть!

– Ваше величество, я узнал – и примчался к Вам! Обещаю! Через день Вы будете уже на ногах!

Лиля удобно спрятавшись за пологом кровати (а пыли-то, пыли...), ухмыльнулась. Ты бы хоть узнал, чем пациент болеет.... Умник!

Умник ухватил с поклонами короля за руку и принялся изучать ногти. Потом перевернул – и так же уставился на ладонь.

Попросил показать язык. Плюнуть ему в ладонь. Эдоард

все это проделывал стоически. Лиля пока терпела.

После изучения плевка, мужчина глубокомысленно изрек:

– Цвет слюны неровный, синеватый. Это свидетельствует о нарушении функции главной мозговой железы. Полагаю, необходимо кровопускание.

Ага, неровный, синеватый... Болван!

Черникой короля напоили! Отваром с добавлением ягод черники! Лилия сама же и добавила, на всякий случай. Королю только запора сейчас не хватало, при невралгии, когда каждое усилие – уже боль. Нет уж. Пусть хоть в туалет ходит без напряжения. Его бы еще на диету, а то знает она, что короли едят.

Неправильное питание – залог болезни. Запоры, поносы, проблемы с кишечником – а там и все остальное ждать себя не заставит.

– Мне не нужно кровопускание, – Эдоард был вполне уверен.

– Ваше величество! Но железа! Она явно воспалена! Давайте тогда я Вам дам промывательное! Великолепная вещь!

И что самое печальное – кому-то поможет. Если обожрался или прокакаться, пардон, не можешь. Но при невралгии добавлять еще и рвоту? Когда ни охнуть, ни вздохнуть... каз-зел!

– Засуньте его себе в...

Лилия едва не присвистнула. Какие слова наш король зна-

ет?

– Вон из моей спальни. И со двора. Вы уволены!

– Ваше величество, воспаление...

Лиля выступила призраком. Не удержалась. А еще жалко Эдоарда стало. И так мужик на последних каплях воли держится, куда тут спорить с этим дураком?

– Спорить с волей короля? Ах ты дрянь!

Докторус аж подпрыгнул. И заверещал что-то о безмозглых бабах и их происках.

Лиля марать руки не стала. Хлопнула в ладоши.

Камердинер не заставил себя ждать.

– Его величество изволил выгнать этого болвана, – проинформировала графиня уж вовсе злорадно.

Слуга перевел взгляд на короля, поймал подтверждающее движение век – и истошно затрезвонил в колокольчик.

Пара гвардейцев возникла как из воздуха. Докторус был подхвачен под руки – и выкинут взашей, а Лиля подсела к королю

– Все будет хорошо, Ваше величество. Обещаю Вам, Вы поправитесь. Только на кровопускание не соглашайтесь...

Эдоард еще раз согласно опустил веки.

– А теперь Вам бы поспать. А вечером я Вас разбуду, обещаю. Часа за три до заката.

Эдоард кивнул.

Сильные руки подхватили его, помогли принять положение, в котором он мог лежать и не ощущать боль так сильно,

чуть поддержали, поправили подушку, чтобы было удобнее.

Эдоард прикрыл глаза.

– Вы... здесь?

– Обещаю никуда не уходить, пока Вы не проснетесь. –
Лиля посмотрела на кресло. Удобное. Сойдет. – Спите, Ваше
величество. Все будет хорошо... Спите....

Ну, с хорошо – она явно погорячилась. Но хоть бы выздо-
роветь.

Эдоард сомкнул веки – и провалился в тяжелый сон без
сновидений.

– Пусть его величество выспится, – Лиля повернулась к
Алисии. И вздрогнула. Та смотрела так...

– Кто ты?

Лиля все поняла, но сдаваться не собиралась.

– Лилиан Иртон. В девичестве – Брокленд.

– Не верю. Ты другая, ты какая-то странная...

– Мы еще поговорим об этом. Я та же Лиля. Я могу опи-
сать, что Вы мне сказали, когда мы венчались с Джерисоном,
я могу припомнить все, что на Вас было, да и мой отец не
признал бы самозванку, разве нет?

– Но ты...

– Я – Лилиан. А то, что я изменилась... кто бы не изме-
нился, побывав практически в гостях у Альдоная?

Алисия покачала головой. Но настаивать не стала. Расска-
жет. Никуда не денется. Действительно, не при людях...

Эдоард просыпался пару раз. Лиля напоила его травяным

чаем с медом – и король опять провалился в тяжелый сон.

А вечером с докладом появился Ганц.

Лиля, которая спала прямо на кушетке в королевской спальне, встретила его сама.

– Ганц, рада Вас видеть...

Лэйр поцеловал ей руку.

– Графиня... Что с его величеством?

– Если Альдоной смилуется – скоро будет здоров.

Лиля не понимала, почему ее спокойно пустили к королю. А ларчик просто открывался. С больными королями не спорят, особенно когда во дворце что-то непонятное, а гвардия выглядит очень... недружелюбной. Больные короли сносят головы ничуть не хуже здоровых. Да и камердинер дал нескольким людям подсмотреть в щелочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.